

6+

Шаришские сказки III

Йозеф Шурковски

Йозеф Шурковски
Шаришские сказки. Том III

«Издательские решения»

Шурковски Й.

Шаришские сказки. Том III / Й. Шурковски — «Издательские решения»,

Шариш снова открывает свои тайны. В древних лесах оживают забытые предания, над Маковицей кружит королевский сокол, старая липа шепчет детям свои истории, а верный Бундаш встаёт на защиту слабых. «Шаришские сказки III» — заключительная часть трилогии, где чудесное встречается с человеческими судьбами, а за каждой тайной скрывается выбор между страхом и надеждой, тьмой и светом, злом и добром.

© Шурковски Й.

© Издательские решения

Содержание

Бардейовский колодец желаний	6
Тайна Зборовского замка в лунную ночь	15
Водяная фея из Беловежского ручья	23
О колоколах из Хажлина	32
Деревянный рыцарь из Комарова	45
Волшебный дуб из Грабовца	56
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Шаришские сказки

Том III

Йозеф Шурковски

© Йозеф Шурковски, 2026

ISBN 978-5-0070-9735-2 (т. 3)

ISBN 978-5-0070-8970-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Бардейовский колодец желаний

Давным-давно, очень давно, когда Бардейов ещё был королевским городом с крепкими стенами, высокими воротами, сторожевыми башнями, узкими улочками и широкой площадью, над которой с утра до вечера разносились голоса купцов, ремесленников, возчиков и паломников, посреди города стоял старый колодец. Он не был самым высоким. Не был самым нарядным. У него не было ни золотой крыши, ни мраморных ступеней. Он был сложен из обычного камня и окружён низким бортиком, на который женщины ставили вёдра, дети клали ладони в жаркие дни, а старики опирали о него свои посохи, когда останавливались по дороге с рынка. Но тот, кто внимательно смотрел на него, видел, что колодец был необычным. Камни по его краям были гладкими, словно их отполировали не человеческие руки, а тысячи невысказанных слов. Вода в колодце была тёмной и глубокой, но никогда не была грязной. И когда шёл дождь, и когда над площадью поднималась пыль, и когда после ярмарки вокруг колодца валялись солома и яблочная кожура, вода в нём оставалась чистой, как ночное небо.

Люди называли его Бардейовским колодцем желаний. Не потому, что он исполнял всё, чего кто-либо хотел. Такой колодец был бы очень опасным. Некоторые хотели слишком много. Некоторые желали чужого. Некоторые хотели того, что испортило бы их самих. Колодец был мудрее. Он исполнял желание не так, как человек произносил его устами. Он исполнял его так, как было нужно его сердцу. Если приходил жадный купец и бросал в него монету со словами:

— Хочу получать вдвое больше прибыли, —

на следующую ночь колодец показывал ему сон, в котором тот сидел один в доме, полном товаров, но никто не открывал ему дверь.

Проснувшись, он понимал, что прибыль без людей — лишь холодное железо в кошеле. Если приходила вдова и шептала:

— Хочу ещё раз услышать голос своего мужа, —

ночью вода начинала звучать так, что в ветре за окном она слышала слова, которые он когда-то говорил ей:

— Не бойся, ты сможешь жить дальше.

Это не было возвращением умершего. Это было возвращением мужества. Если приходил ребёнок и просил вернуть деревянную игрушку, которую потерял, колодец иногда показывал ему, где она лежит. Но иногда приводил к нему нового друга, который умел играть с ним и без неё. Таким был этот колодец. Тихим. Глубоким. И немного строгим.

На Ратушной площади Бардейова в те времена происходило много всего. Там стояли мещанские дома с узкими фасадами, аркады, мастерские, купеческие склады, прилавки с полотном, горшками, солью, мёдом и мехами. Неподалёку возвышались храм Святого Эгидия и городская ратуша, где городские советники решали вопросы порядка, налогов, ярмарок и споров. Стены крепко опоясывали город, словно пояс удерживает человека в трудном пути. В Бардейов стекались люди со всех сторон. Из Польши приезжали купцы с солью, из окрестных деревень — хозяева с зерном, из лесов — лесорубы, с дорог приходили паломники, а из далёких стран порой являлись и такие чужеземцы, в глазах которых было море, хотя никто в Шарише его не видел. Среди всего этого жила маленькая девочка по имени Аничка. Ей было пять лет. Она была маленькой и хрупкой, с тёмными волосами, большими глазами и красной косынкой, которую мама всегда повязывала ей немного набок, потому что Аничка никогда не оставалась неподвижной достаточно долго, чтобы косынка легла ровно. Её отец был сапожником. Он чинил сапоги купцам, пастухам, горожанам и беднякам. Её мама занималась хозяйством и иногда продавала на рынке полотняные мешочки, которые шила сама.

Аничка была маленькой, но замечала то, чего не замечали взрослые. Она знала, какой купец улыбается только губами, а какой — ещё и глазами. Знала, когда лошадь хочет пить, ещё до того, как та начинала бить копытом. Знала, что старый колокол на башне звучит по-разному, когда город радуется и когда кто-то прощается. А больше всего на свете она любила колодец. Каждое утро она приходила к нему с маленькой деревянной кружкой. Вода ей была не нужна, потому что дома у них был свой сосуд с водой. Но она говорила, что колодцу нравится, когда с ним здороваются.

— Доброе утро, колодец, — шептала она.

Взрослые улыбались.

— Ребёнок разговаривает с водой.

Но старая госпожа Дорота, жившая в доме с голубыми ставнями, говорила:

— Оставьте её. Может быть, вода отвечает тем, кто ещё не научился слушать.

Однажды в Бардейове началась большая ярмарка. Город наполнился людьми, словно пчелиный улей. На площади стояли повозки, навесы, прилавки, бочки, корзины, ящики и клетки с домашней птицей. В воздухе пахло хлебом, сыром, кожей, воском, дымом, медовухой и дождём, который собирался начаться, но ещё не пришёл. Аничка сидела возле отцовской мастерской и держала в руках маленькую кожаную туфельку для куклы. Отец сделал её из кусочков кожи, оставшихся после работы. В этот момент на площади появился странный мужчина. Он был высоким и худым. На нём был тёмный плащ, шляпа с широкими полями, а в руке он держал длинный посох. На плече у него висел небольшой ларец из чёрного дерева. Когда он проходил мимо колодца, вода задрожала. Аничка это увидела. Больше никто не заметил. Мужчина остановился возле колодца и улыбнулся. Улыбка была неприятной. Гладкой, словно лёд.

— Так вот он, этот колодец, — тихо произнёс он.

Аничка встала.

— Вы его знаете?

Мужчина посмотрел на неё.

— А ты знаешь?

— Я с ним здороваюсь.

— Это ещё не значит знать.

— А что значит знать?

Мужчина рассмеялся.

— Знать, как заставить его дать тебе то, чего ты хочешь.

Аничке это не понравилось.

— Колодец нельзя заставлять.

Мужчина наклонился к ней.

— Всё на свете можно заставить, если знаешь правильное слово.

В этот момент вода в колодце тихонько звякнула. Словно кто-то глубоко под землёй ударил ложечкой о стеклянный стакан. Мужчина тоже это услышал. Его глаза заблестели.

— У него всё ещё есть голос, — прошептал он.

Потом он ушёл и скрылся среди прилавков. Аничка побежала к старой Дороте.

— Возле колодца был злой господин.

Дорота сидела у окна и перебирала фасоль.

— Злой?

— Он гладко улыбался.

— Это бывает хуже крика.

— Он сказал, что заставит колодец.

Дорота перестала перебирать фасоль.

— Как он выглядел?

Аничка описала его.

Старая женщина побледнела.

— Это был не обычный купец.

— Кто же это был?

Дорота встала, закрыла ставни и тихо сказала:

— Возможно, искатель последнего желания.

— Что такое последнее желание?

Дорота села рядом с ней.

— О Бардейвском колодце рассказывают одну старую историю. Раз в столетие он может исполнить желание, которое изменит не только одного человека, но и весь город. Но такое желание не должно быть эгоистичным. Если его произнесёт человек с алчным сердцем, колодец может закрыться. Вода останется, но мудрость исчезнет.

Аничка поняла не всё, но поняла достаточно.

— А тот господин хочет это желание?

— Если он тот, кого я боюсь, то да.

Вечером начался дождь. Ярмарка стихла, купцы накрыли товары полотнищами, лошади стояли под навесами, а вода стекала по крышам мещанских домов. На площади остались только стражники, несколько запоздалых прохожих и старый колодец. Аничка не могла уснуть. Она слышала звон. Не снаружи. Внутри своей головы.

Дзинь. Дзинь. Дзинь.

Она встала, взяла красную косынку и тихонько вышла из дома. Дождь был мелким. Улочки блестели. Ратушная площадь была почти пуста. Возле колодца стоял мужчина в тёмном плаще. Его чёрный ларец был открыт. В нём лежали маленькие стеклянные флакончики. В каждом двигалось что-то своё: голубой дым, золотая искра, маленькая тень, капля слезы, частичка смеха.

Мужчина бросал в колодец серебряный порошок и шептал слова на языке, которого Аничка не понимала.

Вода в колодце закружилась.

Аничка бросилась к нему.

— Прекратите!

Мужчина обернулся.

— Ты? Маленькая стражница кружки?

— Колодец не хочет.

— Колодец даст.

— Не вам.

Мужчина рассмеялся и бросил в воду чёрную монету.

Колодец загрохотал.

Площадь внезапно исчезла.

Аничка больше не стояла под дождём возле колодца. Она оказалась в месте, которое было одновременно и под землёй, и под водой, и под городом. Вокруг неё парили картины Бардейова: стены, ворота, ратуша, дома, колокол, рынок, люди, которые приходили и уходили, дети, которые выросли, старики, которые умерли, и все желания, когда-либо произнесённые возле колодца.

Они были похожи на маленьких рыбок из света.

Одни — золотые.

Другие — белые.

Некоторые — серые.

Некоторые — чёрные.

Мужчина в тёмном плаще стоял напротив неё. Теперь он уже не выглядел человеком. Его плащ стал длиннее, лицо — острее, а глаза были тёмными, как пустые вёдра.

— Где мы? — спросила Аничка.

— В горле колодца, — ответил он.

— У колодца есть горло?

— У всякого места, которое веками слушает людей, есть горло. Иначе оно задохнулось бы от их желаний.

Перед ними появилась фигура из воды. Она была высокой и прозрачной, а в её волосах плавали крошечные звёзды, листья, монеты и слова. У неё было женское лицо, но женщиной она не была. Это был дух колодца.

— Кто призывает меня силой? — спросила она.

Мужчина поклонился.

— Я, Сильвестр Чёрный, собиратель желаний.

— Ты уже приходил однажды.

— И тогда вы не дали мне того, чего я хотел.

— Ты хотел, чтобы воля других принадлежала тебе.

— А теперь я хочу последнее желание.

Дух колодца умолк. Вода вокруг неё потемнела.

Аничка шагнула вперёд.

— Не давайте ему его.

Сильвестр рассмеялся.

— А чего хочешь ты, маленький ребёнок? Сладкий пирог? Куклу? Чтобы тебя никто не отправлял спать?

Аничка задумалась.

Вообще-то ей хотелось куклу в голубом платье.

И пирога тоже.

Но сейчас это было неважно.

— Я хочу, чтобы колодец не плакал.

Дух колодца посмотрел на неё.

— Ты знаешь, что я плачу?

— Вода звенит грустно.

Сильвестр сердито поднял руку.

— Довольно! По древнему праву последнее желание может произнести тот, кто найдёт семь самых глубоких желаний города.

Дух колодца кивнул.

— Это правда.

Аничка растерялась.

Сильвестр открыл свой ларец. Флакончики засияли.

— Они у меня. Желание купца разбогатеть. Желание советника обрести власть. Желание ремесленника прославиться. Желание вдовы вернуть умершего. Желание ребёнка получить игрушку. Желание больного обрести здоровье. Желание бедняка получить золото. Семь желаний. Город мой.

Но дух колодца сказал:

— Это не самые глубокие желания. Это самые громкие.

Сильвестр застыл.

— Ложь.

— Нет. Шум.

Аничка улыбнулась, потому что поняла. Взрослые часто громко говорят о том, чего хотят, но молча носят в себе то, что им нужно.

Дух колодца наклонился к Аничке.

— Если хочешь защитить колодец, ты должна услышать тихие желания Бардейова.

— Я маленькая.

— Именно поэтому ты ещё не стесняешься слушать.

Вода поднялась и окружила Аничку, словно прозрачный плащ. Она не утопила её. Она намочила лишь её страх.

Внезапно Аничка услышала город.

Не ушами.

Всем телом.

Она услышала ратушу, которая желала справедливости, а не власти.

Услышала храм, который желал молитвы, а не восхищения.

Услышала городские стены, которые желали защищать жизнь, а не запирали сердца.

Услышала рынок, который желал честного обмена, а не криков о цене.

Услышала дома, которые желали детского смеха.

Услышала мостовую площади, которая желала шагов тех, кто возвращается домой.

И услышала колодец, который желал не того, чтобы люди брали из него чудеса, а чтобы они перестали бросать в него пустые желания.

Сильвестр закричал:

— Это не желания! Это чувства камней!

Аничка ответила:

— Даже камень в городе слышит людей.

И тогда произошло первое великое чудо.

Из глубины колодца всплыли старые вёдра.

Не деревянные.

Вёдра памяти.

Каждое ведро несло в себе одно мгновение из истории Бардейова. В одном были купцы, делившиеся водой после долгой дороги. В другом — ребёнок, впервые увидевший башню храма. В третьем — каменщики, ремонтировавшие городские стены. В четвёртом — женщина, которая несла воду больному соседу. В пятом — старик, бросивший в колодец монету не для того, чтобы что-то получить, а чтобы поблагодарить.

Вёдра закружились вокруг Сильвестра.

Его флакончики начали трескаться.

Золотая искра богатства вылетела наружу и превратилась в обычный кусок хлеба.

Голубой дым власти превратился в печать, которая не оставляла отпечатка, пока рука не была справедливой.

Тень славы превратилась в зеркало, в котором человек видел тех, кого затмил своей славой.

Слеза возвращения умершего превратилась в белую свечу.

Смех игрушки превратился в руку друга.

Здоровье превратилось в дорогу к врачу, которую нужно пройти вовремя.

Золото превратилось в работу, которую можно выполнять честно.

Сильвестр отступал.

— Нет! Это жалкие заменители!

Дух колодца сказал:

— Нет. Это истинные образы желаний.

Сильвестр бросился к воде и закричал:

— Тогда я произнесу последнее желание! Я хочу, чтобы каждый в Бардейове желал того, что я ему продам!

Колодец загудел.

Аничка испугалась. Сильвестр всё-таки произнёс желание.

Вода поднялась высоко над ними. Образы города задрожали. На площади, находившейся далеко наверху, в этот момент, должно быть, дрожали камни.

Дух колодца опечалился.

— Желание было произнесено.

Сильвестр победно улыбнулся.

Но тут раздался тихий голос.

Голос Анички.

— А я желаю, чтобы каждый человек в Бардейове понял, что ему действительно нужно.

Колодец замолчал.

Два желания встретились.

Одно алчное.

Другое чистое.

Не великое по словам.

Но глубокое.

В горле колодца образовался водоворот. Желание Сильвестра было чёрным и острым, желание Анички — белым и тёплым. Они кружились друг вокруг друга, словно две птицы на ветру.

Потом со дна колодца раздался голос, более древний, чем сам дух колодца.

Возможно, это был голос воды под городом.

Возможно, голос земли.

Возможно, голос всех людей, которые у колодца молились, плакали, благодарили и просили.

— Последнее желание принадлежит не тому, кто хочет владеть желаниями других. Оно принадлежит тому, кто не хочет владеть ничем.

Свет вспыхнул беззвучно.

Сильвестр Чёрный закричал, но не исчез. Колодец не был жесток. Он превратил его плащ в обычную серую ткань, его ларец — в пустую деревянную чашу, а его чёрную монету — в каплю воды.

— Что вы со мной сделали? — кричал он.

Дух колодца ответил:

— Мы лишили тебя власти над чужими желаниями. У тебя осталось твоё собственное.

— И какое же оно?

Сильвестр хотел сказать что-нибудь гордое. Но не смог. Колодец заставил его услышать тишину под собственными словами.

Он опустился на колени.

— Я... я не хотел быть незначительным.

Аничка подошла к нему.

— Поэтому вы собирали желания других?

Сильвестр закрыл лицо руками.

— Когда люди чего-то желали, они слушали меня. Когда у меня ничего не было, меня никто не слушал.

Дух колодца сказал:

— Отныне слушать будешь ты.

Чаша Сильвестра наполнилась чистой водой.

— Каждому, кого встретишь, ты сначала дашь напиться и только потом заговоришь. Если попытаешься продать ложное желание, вода в твоей чаше высохнет.

Сильвестр больше не кричал.

Когда Аничка очнулась, она лежала возле колодца на Ратушной площади. Дождь прекратился. Утро медленно разливалось между домами. Рядом с ней сидела старая Дорота и держала её за руку.

— Я нашла тебя здесь, — сказала она.

— Колодец плакал.

— А теперь?

Аничка наклонилась над водой. Колодец больше не звенел печально. Вода была спокойной и глубокой.

— Теперь он дышит.

С того дня Бардейовский колодец желаний изменился.

Люди вскоре это заметили.

Когда кто-нибудь приходил к нему с поверхностным желанием, вода показывала ему не его исполнение, а вопрос. На поверхности появлялись слова, которые видел только он:

— А что ты на самом деле хочешь этим получить?

Купец, желавший большей прибыли, увидел на поверхности воды своих детей, которые хотели, чтобы вечером он сидел вместе с ними за столом.

Девочка, которая хотела самое красивое платье, увидела, что на самом деле ей хочется, чтобы её замечали и в обычном.

Старик, который хотел снова стать молодым, увидел мальчика, которым когда-то был. Тот протянул ему руку и сказал:

— Не забывай меня, но не возвращай меня силой.

Городской советник, который хотел выиграть спор, увидел город сверху и понял, что некоторые победы делают площадь меньше.

Колодец не отнимал у людей желания.

Он очищал их.

Как вода очищает руки от пыли.

Возле колодца появился новый обычай. Тот, кто хотел о чём-то попросить, должен был сначала сказать воде одну правду о себе. Не вслух перед всеми. Только в глубину.

— Я боюсь.

— Я завидую.

— Я устал.

— Я не умею прощать.

— Я хочу, чтобы меня любили.

И только потом можно было произнести желание.

Иногда оно исполнялось.

Иногда менялось.

Иногда исчезало, потому что человек понимал, что больше в нём не нуждается.

Сильвестр Чёрный ещё долго оставался в Бардейове. Он больше не был искателем желаний. Он сидел у колодца с деревянной чашей и давал воду путникам. Поначалу люди сторонились его. Потом привыкли. А спустя годы поняли, что он научился слушать так хорошо, что многие приходили к колодцу уже не ради воды, а ради одного тихого вопроса, который он умел им задать.

— А чего хочет твоё сердце под всем этим?

Аничка росла.

Она так и не стала могущественной волшебницей. Ей это было не нужно. Она осталась девочкой, которая умела здороваться с колодцем. Когда ей исполнилось десять лет, она уже умела помогать маме по хозяйству. Когда ей было пятнадцать, люди звали её, если им снились странные сны у воды. Став взрослой, она следила за тем, чтобы колодец оставался чистым, чтобы рядом с ним никто не продавал ложных чудес и чтобы дети знали: желание — не игрушка.

Однажды маленький ребёнок спросил её:

— Колодец исполнит мне всё?

Аничка улыбнулась.

— Нет.

— Тогда зачем он нужен?

— Чтобы ты понял, что действительно того стоит.

И говорят, что даже сегодня, когда человек стоит на бардейовской площади среди старых домов, возле памятников, которые помнят века, он может представить себе колодец, который слушает. Возможно, сегодня он выглядит иначе. Возможно, его камни укрыло время. Возможно, он остался только в сказке. Но в каждом старом городе где-то есть свой колодец желаний. Иногда он сделан из камня. Иногда — из памяти. Иногда — из тишины, в которой человек наконец позволяет себе сказать правду.

И если в Бардейове когда-нибудь ночью из-под мостовой раздаётся тихий звон, старики говорят:

— Колодец очищает желания.

Тогда лучше замолчать.

Потому что, возможно, кто-то именно сейчас просит о богатстве, а на самом деле ему нужен дом.

Возможно, кто-то просит о славе, а ему нужна любовь.

Возможно, кто-то просит вернуть вчерашний день, а ему нужна сила жить завтрашним.

А может быть, где-то стоит маленький ребёнок в красной косынке и шепчет:

— Доброе утро, колодец.

Так закончилась сказка о Бардейовском колодце желаний, о маленькой Аничке, которой было всего пять лет, о Сильвестре Чёрном, который хотел владеть чужими желаниями, о духе

колодца и о городе, который понял, что самые глубокие желания — не те, о которых мы кричим, а те, в которых боимся признаться.

А поучение этой сказки шаришские дети ещё долго повторяли:

— Не каждое желание должно быть исполнено. Некоторые нужно очистить, чтобы человек нашёл не то, чего хочет, а то, что действительно нужно его сердцу.

Тайна Зборовского замка в лунную ночь

Давным-давно, очень давно, когда над северным Шаришем поднимались леса Чергова, словно тёмное море, а над селом Зборов возвышался старый замок Маковица, люди не говорили, что замок — всего лишь руины.

Они говорили:

— Днём он спит в камне. Ночью вспоминает.

А некоторые из самых старых людей ещё добавляли:

— В лунную ночь он уходит.

Дети при этих словах и боялись, и радовались. Боялись, потому что представить себе замок, который сдвигается со своей горы, было слишком трудно для обычного человеческого разума. А радовались потому, что всякая тайна, которая не спешит объясняться, хранит в себе вкус сказки.

Замок Зборов стоял над селом уже много веков. Он помнил старинные дворянские роды, стражников, прислугу, лошадей, очаги, военную тревогу и тихие утра, когда с башен люди смотрели в сторону Бардейова и дальше, в глубь края. Днём замок состоял из камня, мха, травы и ветра. Но в полнолуние, когда луна поднималась точно над его стенами, происходило нечто непостижимое.

Сначала замолкали вороны.

Потом переставали шевелиться листья.

Затем в старых окнах, где уже давно не было стёкол, появлялся серебряный свет.

И наконец весь замок начинал подниматься.

Не как птица.

Не как облако.

Не как дым.

Он поднимался медленно, величественно и бесшумно, словно невидимые руки лунных ангелов отрывали его от земли. Камень за камнем, стена за стеной, башня за башней отделялись от вершины холма. Под замком не оставалось ни ямы, ни пустоты. Оставалось только место, где он стоял днём, укрытое серебряной тенью.

Замок поднимался к небу.

А потом исчезал.

К утру он всегда возвращался.

Но старики начали замечать, что после каждого возвращения он становился как будто слабее. Не стены. Они стояли так же. Но память внутри них редела. Некоторые камни переставали шептать. Некоторые коридоры больше не возвращали эхо. Некоторые истории, которые старики рассказывали друг другу, вдруг уже никто не умел закончить.

— Замок возвращается, — говорили они, — но каждый раз словно оставляет частицу себя среди звёзд.

В Зборове жил пятилетний мальчик по имени Мишко. У него были светлые волосы, маленькие руки и такие серьёзные глаза, что взрослые часто смеялись и говорили, будто он родился уже с половиной старческой мудрости. Мишко не был шумным ребёнком. Он любил сидеть на пороге дома и смотреть на замок. Пока другие дети видели лишь холм и стены, он утверждал, что иногда замок дышит.

Его бабушку звали Розалия. Это была женщина с неторопливым голосом и руками, пахнущими травами, хлебом и свечным воском. Когда вечером Мишко показывал на замок и шептал:

— Бабушка, сегодня он опять дышит, —

она не усмехалась. Только смотрела в ту сторону и говорила:

— Тогда поздоровайся с ним. Старые места не любят, когда их никто не замечает.

Однажды вечером луна была такой большой, что казалось, будто она зацепилась за верхушки деревьев над Зборовом. Всё вокруг было сине-серебряным. Крыши домов, дорога, заборы, луга и стены замка.

Мишко не мог уснуть.

Что-то звало его.

Это было не имя.

Не слово.

Это было тихое притяжение в сердце, словно человек вспоминает песню, которую никогда прежде не слышал.

Он встал с постели, надел маленькое пальто и открыл дверь. На пороге сидела Розалия.

— Я знала, что ты пойдёшь, — спокойно сказала она.

— Замок зовёт меня.

— Да.

— Можно мне пойти?

Бабушка встала. Она дала ему в руку маленькую белую свечу.

— Не зажигай её огнём. Она зажжётся сама, если ты будешь говорить правду.

— А что мне говорить?

— То, что увидишь. Не то, чего боишься. Не то, чего хотел бы. Только то, что есть.

Потом она погладила его по волосам.

— И запомни, Мишко: замок исчезает не потому, что хочет уйти. Возможно, он исчезает потому, что что-то удерживает его между небом и землёй.

Мишко отправился в путь.

Дорога к замку была тихой. Не лаяла ни одна собака, не шумел лес, не стрекотало ни одно ночное насекомое. Когда он дошёл до места, откуда обычно начинался подъём к стенам, то увидел, что замок уже находится над землёй. Он висел в воздухе совсем немного выше вершины холма. Из-под его основания сыпалась серебряная пыль и превращалась в маленькие искры, которые касались травы и тут же исчезали.

Мишко открыл рот от изумления.

Замок был прекрасен.

Не отреставрированный.

Не новый.

Прекрасный так, как бывает прекрасно старое лицо, когда на нём появляется свет души.

Со стен свисали лунные нити. Окна сияли. В пустых воротах двигались тени давних шагов. А замок поднимался всё выше.

— Подождите! — крикнул Мишко.

Замок задрожал.

Из одной трещины вниз упал маленький камешек. Он приземлился у ног Мишко и раскрылся, словно орех. Внутри сидело крошечное существо, целиком состоящее из света и пыли. У него было лицо ребёнка, но очень старые глаза.

— Ты пришёл? — спросило оно.

— Да.

— Ты маленький.

— Мне пять лет.

— Для замка это ещё совсем мало.

— Но достаточно, чтобы слышать, когда кто-то зовёт.

Существо поклонилось.

— Меня зовут Памятинка. Я последняя искра памяти замка.

— Почему замок уходит?

Памятинка опечалилась.

— Потому что забывает, где его место.

— Замок должен быть здесь.

— Да. Но каждый раз, когда в лунную ночь он поднимается к небу, звёзды показывают ему всё, чем он мог бы быть без боли земли. Там, наверху, он не чувствует дождя, войн, забвения, разрушения и человеческого безразличия. Там он лёгкий. Поэтому с каждым разом ему всё труднее возвращаться.

Мишко нахмурился.

— Но если он останется наверху, что будет со Зборовом?

— Село потеряет свою вершину. Лес потеряет своего стража. Дети потеряют место, где учатся слушать прошлое. А замок потеряет причину, по которой был построен.

Замок снова двинулся.

Он поднимался всё выше.

Памятинка протянула руки.

— Ты должен войти внутрь, пока он не исчез совсем.

— Как? Он высоко.

— У лунных вещей есть лестницы из храбрости.

Перед Мишко появились ступени. Они были не из камня. Они состояли из лунного света и выглядели такими хрупкими, что взрослый побоялся бы на них ступить. Мишко тоже было страшно. Но свеча в его руке сама зажглась голубым огоньком.

Он сделал шаг.

Ступени удержали его.

Когда он вошёл в замок, то оказался не в руинах. Но и не в настоящем старом замке. Это было место между одним и другим. В стенах смешивалось время. Одна стена была молодой и крепкой, другая — растрескавшейся. Один коридор освещали факелы, другой зарос травой. Во дворе стояли прозрачные фигуры, но они не разговаривали. Они были размытыми, словно кто-то медленно стирал их.

— Это воспоминания? — спросил Мишко.

Памятинка кивнула.

— Когда-то у них были лица. Теперь они растворяются.

— Почему?

— Потому что замок уже не помнит, какие страдания стоило нести.

Мишко не до конца понял эти слова, но почувствовал печаль.

На двор падал лунный свет. В его центре стоял большой пустой колодец. В нём не было воды. На самом дне вращалось небо.

— Это Лунный колодец замка, — сказала Памятинка. — Когда замок поднимается, он пьёт из него лёгкость звёзд. Но если пьёт слишком долго, забывает о земле.

Мишко наклонился над ним.

В колодце он увидел замок таким, каким тот мог бы быть среди звёзд: целым, чистым, без трещин, без мха, без печали. Прекрасным, словно сказочный дворец.

— Там он красивый, — прошептал Мишко.

— Да, — сказала Памятинка. — И в этом опасность.

— Почему?

— Потому что не всё красивое правдиво.

Вдруг раздался голос.

Он был глубоким, каменным и усталым.

— Кто ходит по моему двору?

Мишко обернулся.

Перед ним появилась фигура замка.

Не человек.

Не дух.

Это была Тень Замка. Её тело состояло из стен, плащ — из тумана, а глаза были похожи на два тёмных окна. В груди у неё двигались маленькие картины: пиры, пожары, дожди, зимы, стражники, дети, пустые годы.

— Я Мишко из Зборова, — сказал мальчик.

— Почему ты пришёл?

— Потому что вы уходите.

— И что в этом плохого?

Мишко замялся.

— Вы нужны селу.

— У села есть свои дома.

— Вы нужны лесу.

— У леса есть свои деревья.

— Вы нужны детям.

— Дети вырастут.

Мишко крепче сжал свечу.

— Но если вы уйдёте, кто будет показывать им, что даже у старых вещей есть сердце?

Тень Замка молчала.

Потом сказала:

— Я устал от того, что меня видят лишь разрушенным камнем.

Мишко посмотрел на растрескавшиеся стены.

— Но вы не просто камень.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что камень не стал бы меня звать.

Свеча в его руке засияла ярче.

Тень Замка отступила.

— Если хочешь, чтобы я вернулся, ты должен показать мне причину, почему имеет смысл быть несовершенным.

— Я не знаю таких больших вещей.

— Тогда говори о малых.

Мишко огляделся.

Во дворе он увидел размытую фигуру женщины, которая несла хлеб. Её лицо исчезало.

Мишко подошёл к ней.

— Вы кого-то кормили, — сказал он. — Может быть, солдат, может быть, детей, может быть, путников. Это причина.

Фигура на мгновение стала отчётливой. Появились руки, фартук, усталая улыбка. Потом она превратилась в золотую крошку света и вошла в стену.

Мишко увидел ещё одну фигуру. Стражника у ворот.

— Вы выпустили кого-то внутрь, когда на улице было холодно, — сказал он.

У стражника появилось лицо. Он поклонился и исчез в воротах, словно голубое пламя.

Потом Мишко увидел ребёнка в углу двора. Тот сидел возле камня и держал деревянную лошадку.

— Ты здесь играл, — сказал Мишко. — Значит, когда-то и в замке звучал детский смех. Ребёнок улыбнулся, и его смех разлетелся по двору, словно звон маленьких колокольчиков.

Замок задрожал.

Вниз, а не вверх.

Он начал опускаться.

Но совсем немного.

Лунный колодец загудел. С его дна поднялись звёздные руки и начали тянуть замок обратно вверх.

— Они не позволяют ему вернуться? — спросил Мишко.

Памятинка ответила:

— Звёзды не хотят его украсть. Они лишь предлагают ему забыть о боли. А это очень сладко.

Тень Замка дрожала.

— Я не хочу помнить всё.

Мишко подошёл к ней ближе.

— Вам не нужно вспоминать всё сразу.

— А что мне делать с болью?

Мишко задумался. Он был маленьким, но знал, что делает бабушка, когда у кого-нибудь болит колено. Она не отрывает ему всю ногу. Она очищает рану, дует на неё и перевязывает.

— Может быть, её нужно перевязать историями, — сказал он.

Тень Замка наклонилась к нему.

— Историями?

— Да. Когда о боли рассказывают правдиво, она уже не остаётся одна.

В этот момент распахнулись все лунные окна замка.

И из каждого начала выходить одна история.

Не длинная.

Не учёная.

Всего лишь маленький осколок жизни.

История каменщика, который положил камень и никогда не знал, что однажды на нём будет сидеть ребёнок.

История девочки, которая боялась в замке грозы, а потом научилась не бояться.

История старой лошади, которая возила воду на гору.

История солдата, который не хотел сражаться, но хотел защитить ворота.

История кухарки, которая умела из малого приготовить суп для многих.

История матери, которая смотрела из замка в сторону деревни и молилась за ребёнка.

История камня, который выпал из стены, но в траве стал домом для ящерицы.

Мишко слушал.

Свеча в его руке горела всё ярче.

Замок опускался.

Медленно.

Но тут Лунный колодец распахнулся настежь. С его дна поднялся образ совершенного замка среди звёзд. Он был прекрасен. Без единой трещины. Без единой тени. Без единого воспоминания, которое причиняло бы боль.

Тень Замка протянула к нему руки.

— Там я был бы целым.

Мишко покачал головой.

— Нет. Там вы были бы гладким.

— А разве это плохо?

— Нет. Но в гладком камне негде укрыться семечку.

Тень Замка замерла.

Мишко положил ладонь на трещину в стене.

В этой трещине росла маленькая травинка.

— Посмотрите. Если бы у вас не было трещин, её бы здесь не было.

Замок молчал.

— А если бы у вас не было старых стен, теням негде было бы играть. А если бы вы не были заброшены, люди не смогли бы открыть вас заново. А если бы вы никогда не испытывали боли, вы не смогли бы понимать тех, кому тоже больно.

Лунный колодец задрожал.

Звёздные руки ослабли.

Памятинка начала сиять.

— Вот оно, — прошептала она. — Именно это замку нужно было услышать.

Тень Замка наклонилась к Мишко.

— Скажи это ещё раз.

Мишко вдохнул.

— Несовершенные вещи могут стать домом.

И тогда весь замок засиял.

Не как новый.

Как старый, принявший свои шрамы.

Стены не перестали быть растрескавшимися. Башни не вернулись к своей прежней высоте. Над коридорами не появились крыши. Но всё в них обрело вес и тепло. Трещины наполнились серебряным сиянием. Трава между камнями стала зеленее. У теней появились лица. Воспоминания перестали исчезать.

Замок начал опускаться обратно на землю.

На этот раз сам.

Лунные ступени рассыпались на искры. Звёздный образ совершенного замка исчез. Лунный колодец наполнился уже не небом, а дождевой водой, листьями и отражением настоящей луны.

— Возвращается! — воскликнула Памятинка.

Но замку нужна была ещё одна, последняя вещь.

Тень Замка протянула Мишко маленький камешек. Он был обычным, серым, с тонкой серебряной прожилкой внутри.

— Это Якорь памяти, — сказала она. — Утром положи его там, где люди приходят к замку. Каждый, кто пройдёт мимо него с уважением, придаст мне сил остаться. С тем, кто пройдёт без уважения, ничего не случится. Просто он ничего не услышит.

— А вы больше не уйдёте?

— Возможно, в лунные ночи я ещё буду немного подниматься вверх. Каждому старому месту иногда нужно поговорить с небом. Но больше я не исчезну.

— Обещаете?

— Замки не обещают легко. Но помнят с трудом.

Утром Мишко нашли спящим у первой стены замка. В руке он держал серый камешек с серебряной прожилкой. Бабушка Розалия укрыла его платком и ждала, пока он откроет глаза.

— Ты был там? — спросила она.

Мишко кивнул.

— Замок не хотел быть некрасивым.

Розалия печально улыбнулась.

— Этого никто не хочет.

— Но я сказал ему, что трещины могут быть хорошими.

— Это были мудрые слова.

— Не мои. Они пришли сами.

Потом они вместе положили Якорь памяти у дороги к замку. Он был небольшим. Многие его даже не замечали. Но те, кто приходил с открытым сердцем, чувствовали возле него необычное тепло.

С тех пор Зборовский замок в лунные ночи иногда всё ещё поднимался. Но больше не уходил далеко. Он лишь слегка приподнимался над вершиной холма, словно ему нужно было расправить старые кости и вдохнуть лунного света. А потом всегда возвращался ещё до рассвета.

И воспоминания перестали растворяться.

Наоборот.

Они начали возвращаться.

Старики вдруг вспоминали истории, которые рассказывали им их бабушки и дедушки. Дети слышали в стенах замка тихий смех. Посетителям, приходившим с уважением, казалось, что замок не пуст. А когда кто-нибудь клал руку на камень и замолкал, он мог услышать:

— Не бойся своих трещин.

Мишко рос. Он никогда не хвастался тем, что разговаривал с замком. Когда его спрашивали, правда ли, что замок летает, он отвечал:

— Он не летает. Он ходит подышать.

— А зачем?

— Чтобы не забыть, что принадлежит и земле, и небу.

Жители Зборова стали ходить к замку иначе. Не как к мёртвым руинам. Не как к месту, откуда можно унести камень. Они приходили туда, как к старому учителю. Ремонтировали тропинки, расчищали заросшие места, рассказывали детям правдивую историю и позволяли замку оставаться тем, чем он был: не совершенным дворцом, а памятью края.

И говорят, что даже сегодня, когда над Зборовом поднимается большая луна и замок Маковица заливает серебряный свет, можно увидеть, как его стены на мгновение становятся легче. Одни утверждают, что это всего лишь туман. Другие говорят, что это лунный свет. Но дети, которые не боятся смотреть долго, знают своё.

В такие мгновения замок слегка поднимается.

Совсем немного.

Словно приветствует небо.

А потом остаётся.

Потому что теперь он знает, что красота без трещин была бы лёгкой, но пустой.

Так закончилась сказка о Тайне Зборовского замка в лунную ночь, о маленьком Мишко, старой Розалии, Памятинке, Лунном колодце и замке Маковица, который хотел исчезнуть среди звёзд, потому что стыдился своих ран, но понял, что именно в трещинах может зародиться новая жизнь.

А поучение этой сказки шаришские дети ещё долго повторяли:

— Тот, кто стыдится своих шрамов, хочет исчезнуть. Тот, кто принимает их, может стать домом для света.

Водяная фея из Беловежского ручья

Давным-давно, очень давно, когда между Бардейовом, Беловежей и Хажлином чаще ходили пешком, чем ездили на повозках, а путник перед дорогой осеял себя крестным знаменем, потому что не знал, встретятся ли ему на пути дождь, волк, добрый человек или Божий знак, под ольхами и ивами тёк Беловежский ручей.

Это был небольшой поток.

Он не был широким, как река Ториса, и не шумел, как весенний поток с гор. Это был тихий, чистый ручей, во многих местах такой мелкий, что летом дети переходили его босиком, смеялись и искали гладкие камешки. Но были там и более глубокие места, затенённые корнями старых деревьев, где вода казалась тёмной, словно стекло, положенное на ночь. Там люди старались не задерживаться. Не из страха утонуть, а потому, что возле этой воды человек вдруг чувствовал, будто он не один.

Старики из Беловежи говорили:

— У этого ручья есть память.

А самые старые женщины добавляли:

— И не всякая память умеет уйти, когда её время уже прошло.

У одного изгиба ручья, где вода кружилась вокруг плоского камня, а над поверхностью склонялась старая ива, появлялась водяная фея. Она не была злой, не утаскивала детей в воду, не заманивала юношей пением и не переворачивала повозки на броде. Она была тихой. Такой тихой, что тот, кто видел её впервые, думал, будто это всего лишь лунный свет присел на камень.

У неё были длинные волосы цвета мокрого льна, зеленоватые глаза, как вода под листьями, и платье из тумана, росы и прозрачных водорослей. Когда она сидела у ручья, её ноги исчезали в воде, а вокруг неё плавали крошечные огоньки, словно в каплях поселились звёзды.

Её звали Миленка.

По крайней мере, так её называли люди.

Никто не знал, было ли это её настоящее имя или лишь имя, которое ей дали потому, что целые века она ждала своего возлюбленного.

Её возлюбленного звали Юрай.

Когда-то он был обычным молодым человеком из этого края. Не господином, не рыцарем, не князем. Он помогал на мельнице, чинил деревянные желоба, носил мешки с зерном и умел смеяться так искренне, что рядом с ним даже старый мельник забывал ворчать. К ручью он ходил часто, потому что вода там была чистой, а на берегу росла мята. Там он и встретил Миленку. Как человек встречается с водяной феей, этого уже никто не мог объяснить. Может быть, однажды его шапка упала в воду, и она подала её ему. Может быть, она услышала, как он поёт. А может быть, его позвала вода.

Они полюбили друг друга.

Не шумно.

Не безрассудно.

Их любовь была похожа на тихое пламя в часовне. Юрай приносил ей цветы с луга, а она показывала ему, где вода прячет самые красивые камешки. Он рассказывал ей о деревне, о человеческих заботах, о хлебе из печи, о колоколах Бардейова, о паломниках, идущих по дороге. Она рассказывала ему о том, как вода слышит корни, как видят сны рыбы и как лунный свет падает на водную гладь раньше, чем на землю.

Но между человеческим миром и миром воды существует граница. Тонкая, но прочная.

Однажды пришёл год великой болезни. Люди в окрестностях слабели, дома затихали, а колокола звучали чаще, чем кому-либо хотелось бы. Юрай помогал, где мог. Носил воду, дрова и еду больным. Однажды он отправился в Бардейов за лекарствами для старой женщины из деревни. На обратном пути его застали дождь, ветер и лихорадка. Домой он уже не вернулся.

Люди знали, что он умер.

Они молились за него.

Похоронили его с почестями.

Но Миленка у ручья не поверила в это.

Каждую ночь она выходила на свой камень, смотрела в воду и ждала, когда в лунном отражении появится его лицо.

— Он придёт, — шептала она воде. — Просто опаздывает.

Вода молчала.

— Он заблудился, — говорила она иве. — Ручей укажет ему дорогу.

Ива печально шелестела.

Шли годы.

Люди менялись. Дети, которые боялись феи, вырастали и приводили к ручью собственных детей. Старики, ещё помнившие Юрая, уходили в вечность. У домов появлялись новые крыши, на дорогах — новые следы, но Миленка по-прежнему сидела на камне.

Иногда люди видели, как она плачет.

Её слёзы падали в воду не как обычные капли. Они превращались в маленькие прозрачные жемчужины, которые тут же растворялись, и по поверхности расходились круги. Тот, кто в этот момент пил воду из ручья, чувствовал в сердце странную тоску по чему-то, чего у него никогда не было.

Люди жалели её.

Сначала к ней приходили женщины из Беловежи. Они садились на берег и говорили ей:

— Миленка, дитя воды, его больше нет среди живых. Не жди у воды. Найди покой. Фея смотрела на них глазами, в которых было целое озеро боли.

— Если бы он ушёл, то пришёл бы попрощаться.

— Может быть, он попрощался молитвой.

— Я не слышала.

— Может быть, он попрощался в тишине.

— Я жду его лица.

Потом пришли старики.

— Фея, мы знали его. Он был добрым. Господь Бог забрал его к Себе.

Миленка посмотрела в воду.

— Если он у Бога, почему я его не вижу?

Никто не знал, как ответить так, чтобы этот ответ исцелил её.

Пришёл и священник из окрестностей. Он молился у ручья. Окропил берег святой водой и попросил:

— Господи, даруй покой той, которая не умеет отпустить боль.

Вода тогда засияла, но Миленка лишь тихо сказала:

— Пусть Он покажет мне его.

Священник ушёл опечаленный.

Годы превратились в целые поколения.

И люди начали бояться уже не Миленки, а её бесконечного ожидания. Потому что тот, кто видит существо, веками держащее в себе одну боль, начинает задумываться, что сделала бы с ним его собственная боль, если бы он никогда её не отпустил.

Наконец жители деревни решили молиться ангелам.

В церкви, в часовнях, у крестов и дома перед свечами они просили:

— Божьи ангелы, если вам позволено, идите к ней. Откройте её разум. Покажите ей, что любовь не исчезла, а лишь перешла за порог, за который мы пока не можем заглянуть.

И ангелы пришли.

Не как великие существа с огненными мечами.

Не с громом.

Не с золотыми крыльями, которых человек мог бы испугаться.

Они пришли тихо.

Сначала как утреннее пение птиц посреди ночи.

Потом как аромат лилий, хотя у ручья они не росли.

Потом как свет на воде, исходивший ни от луны, ни от звёзд.

Миленка увидела их.

Три ангела стояли на поверхности ручья. Вода под ними не шелохнулась. Их лица были спокойны, а глаза полны сострадания.

— Миленка, — сказал первый, — твой Юрай пребывает в Божьем покое.

— Пусть придёт, — ответила она.

— Ни человек, ни вода не властны вернуть его обратно, — сказал второй.

— Тогда отведите меня туда, где он.

Третий ангел наклонился к ней.

— Сначала ты должна перестать искать его лицо там, где его больше нет.

Миленка закрыла глаза.

— Если я перестану его искать, я предам его.

Ангелы посмотрели друг на друга.

Они были бессильны.

Не потому, что не знали правды. А потому, что правда, которая не вошла в сердце, остаётся стоять перед дверью, словно гость, которого никто не впускает.

Ангелы молились за неё.
Поверхность воды засияла.
Ива склонилась.

Камни в ручье на мгновение стали белыми, словно свечи.

Но Миленка по-прежнему смотрела в воду и ждала.

— Пока я не увижу его лица, — шептала она, — я не уйду.

Ангелы вернулись на небеса, и жители деревни поняли, что даже небесный свет порой не может силой сломить боль. Потому что Бог не ломает сердце, чтобы исцелить его. Он ждёт, пока оно откроется.

И вот однажды наступил вечер, который внешне ничем не отличался от других.

Из Бардейова в Хажлин шёл путник.

На нём был простой плащ, на ногах — запylённые сандалии, а в руке он держал дорожный посох. Посох не был украшен, но тот, кто присмотрелся бы к нему внимательнее, увидел бы на дереве тонкие линии, похожие на дороги на ладони. Мужчина шёл медленно. Не потому, что устал, а потому, что каждому шагу давал время.

Там, где он проходил, что-то менялось.

Не великие вещи.

Не чудеса, от которых люди падали бы на колени.

Скорее маленькие, тихие радости.

Женщина, которая весь день плакала из-за своих тревог, вдруг почувствовала покой и вспомнила песню из детства.

Ребёнок, который боялся темноты, рассмеялся, потому что увидел в тени на стене очертания птицы.

Старик, думавший, что по нему уже никто не скучает, нашёл перед дверью яблоко от соседского мальчика.

Люди даже не догадывались, почему вдруг стали счастливее.

Они лишь говорили:

— Сегодня какой-то добрый воздух.

Вечером путник пришёл в придорожную корчму. Внутри сидели возчики, двое хозяев, корчмарь, его жена и несколько людей, возвращавшихся из Бардейова. Все были уставшими. День был долгим, разговоры тяжёлыми, и каждый нёс в себе свои заботы.

Когда вошёл путник, свет в комнате не изменился. Свечи горели так же. Огонь в печи потрескивал так же. Но людям вдруг стало легче дышать.

Жена корчмаря, которая ещё недавно ворчала, улыбнулась.

— Садитесь, путник. Мы дадим вам супа.

— Спасибо, — сказал он.

Голос у него был обычным и в то же время таким, что рядом с ним человек переставал спешить.

Он сел за стол. Ел мало. Немного супа, немного хлеба. Когда корчмарь спросил, откуда он идёт, путник ответил:

— С дороги.

— А куда?

— Туда, где меня ждут.

Люди подумали, что он странный человек. Но он не был им неприятен. Наоборот, рядом с ним они начинали говорить правдивее.

Один возчик рассказал о лошади, которую потерял и о которой до сих пор вспоминает.

Хозяин сказал, что уже три года сердится на брата и даже не знает, прав ли он ещё.

Жена корчмаря призналась, что устала гораздо больше, чем показывает.

Путник слушал.

Не судил.

Не давал долгих советов.

Лишь иногда произносил фразу, которая падала в сердце, словно семя.

— Не всякое возвращение ведёт по той же дороге.

— Прощение начинается не с того, что другой невиновен, а с того, что ты больше не хочешь быть пленником своей раны.

— Хлеб вкуснее, когда за столом сидит и надежда.

Когда он закончил ужинать, на столе остался маленький кусочек доброго хлеба. Обычного, тёмного, с твёрдой корочкой. Корчмарь хотел его забрать.

— Оставьте. Я отдам его курам.

Путник поднял кусочек и положил в свою суму.

— Ему предстоит ещё одна служба.

Тогда старый возчик наклонился к нему.

— Если пойдёте в Хажлин, возможно, будете проходить мимо Беловежского ручья.

— Буду.

— Там сидит фея. Бедняжка. Ищет своего возлюбленного, которого уже давно нет среди живых. К ней ходили люди, священники и, говорят, даже ангелы. Никто ей не помог.

Путник опустил глаза.

— Я знаю.

Жена корчмаря перекрестилась.

— Вы знаете?

— Да.

— И пойдёте к ней?

Путник встал, взял посох и суму.

— Мне нужно позаботиться ещё об одном деле.

Больше он ничего не сказал.

Заплатил ли он? Позже никто не мог вспомнить. Но на столе осталась монета, которая выглядела совершенно обычной, однако, когда корчмарь взял её в руку, он почувствовал такой покой, что никогда её не потратил. Он положил её возле святого образа.

Путник вышел в ночь.

Луна стояла высоко. Дорога к Беловежскому ручью была тихой. Деревья склонялись перед ним не как перед королём, а как перед тем, кого знали с самого начала. Камни на дороге не причиняли ему вреда. Трава не шелестела. Даже ветер словно шёл рядом с ним.

Когда он пришёл к ручью, Миленка сидела на своём камне.

Как всегда.

Она смотрела на поверхность воды перед собой.

На воде отражалось лишь её лицо.

Бледное.

Прекрасное.

Уставшее от ожидания.

Путник остановился на берегу. Он не стал сразу с ней здороваться. Не сказал ей, что она ошибается. Не сказал, что ей уже пора уйти. Не сказал ничего из того, что она слышала целые века.

Он лишь опустил на колени возле воды.

Миленка даже не обернулась.

— Если вы пришли говорить о покое, — тихо сказала она, — поберегите свои слова. Покоя без него я не хочу.

Путник ответил:

— Я пришёл не для того, чтобы отнять у тебя любовь.

Фея наконец пошевелилась.

— Тогда что вы хотите у меня отнять?

— Тьму, которая выдаёт себя за верность.

Эти слова коснулись воды. Ручей задрожал.

Миленка нахмурилась.

— Я ему верна.

— Да, — сказал путник. — Но боль внушила тебе, что верность означает вечно стоять у пустой воды.

Фея сжала руки.

— Если бы вы знали, как я его любила...

— Я знаю.

— Никто не знает.

— Я знаю.

Он произнёс это так, что фея перестала дышать.

Путник медленно опустил руку в воду. Поверхность засияла лунным светом. Его пальцы коснулись течения и начали мягко колебать воду. Не резко. Не как человек, желающий разбить отражение. Скорее как тот, кто будит спящую воду.

По поверхности пошли круги.

Один.

Второй.

Третий.

До сих пор на воде всегда появлялось только лицо Миленки. Даже луна, звёзды и деревья словно отступали перед её печалью.

Но теперь рядом с её отражением начало появляться что-то ещё.

Сначала свет.

Потом очертания.

Потом глаза.

Потом улыбка.

Лицо Юрая.

Миленка издала звук, который не был ни криком, ни плачем. Это был прерывистый вздох после столетий ожидания.

— Юрай...

Лицо на воде улыбнулось.

Не как призрак.

Не как воспоминание.

Как тот, кто жив иной жизнью.

Фея заплакала. Её слёзы падали в воду, и на этот раз они не растворялись в печали. Они превращались в маленькие огоньки, которые плавали вокруг лица Юрая, словно свечи у алтаря.

— Почему ты не пришёл? — прошептала она.

С поверхности воды прозвучал голос, услышанный не ушами, а сердцем:

— Я ждал, пока ты перестанешь смотреть только вниз.

Миленка прижала руки к груди.

— Я не хотела тебя покидать.

— Ты меня не покинула. Ты лишь забыла, что любовь ведёт и за пределы воды.

Путник встал.

В этот момент вокруг него появилось сияние. Не яркое и ослепительное. Скорее тихое, чистое, такое, которое невозможно описать, потому что оно приходит не извне, а словно напоминает человеку о доме, которого он никогда не видел и по которому всё же тосковал.

Миленка посмотрела на него.

И вдруг узнала.

Не по лицу.

Не по одежде.

Не по посоху.

Она узнала его по покою, у которого не было границ.

Путник протянул руку.

— Пойдём со мной. Он уже там.

Фея задрожала.

— Кто вы?

Путник посмотрел на неё с такой великой любовью, что даже ручей перестал течь, чтобы не мешать ей.

— Тот, кто приходит даже к тем, кто ждал слишком долго.

Лицо Юрая на поверхности засияло. Затем оно уже не было лишь отражением в воде. Из лунного света над ручьём выступила фигура молодого мужчины. Он стоял в сиянии, здоровый, спокойный, улыбающийся.

— Миленка, — сказал он, — пойдём.

Фея ещё раз посмотрела на камень, на иву, на ручей, на место своего бесконечного ожидания.

— А что будет с водой?

Путник ответил:

— Вода сохранит твою нежность, но не твою печаль.

— А люди?

— Они будут помнить, что любовь не должна быть цепью.

Миленка медленно вложила свою руку в его руку.

Затем другую руку протянула Юраю.

В этот момент над ручьём открылся свет.

Он не был похож на луну.

Не был похож на солнце.

Он был словно дверь, сотканная из покоя.

Из глубины леса донеслось пение ангелов. Те самые ангелы, которые прежде беспомощно стояли у воды, теперь преклонили колени в сиянии. Не потому, что потерпели поражение. А потому, что Божье терпение завершило то, чего они не могли добиться силой.

Ива склонилась к самой воде.

Цветы на берегу распустились, хотя была ночь.

Камешки в ручье засияли, словно маленькие лампы.

А кусочек хлеба, который путник принёс из корчмы, он положил на поверхность воды. Хлеб не размок. Он поплыл по воде, словно маленькая лодочка. От него исходил запах дома, стола, ужина, прощения и вечного принятия.

— Честный хлеб, — сказал путник, — несёт человека дальше, чем голод.

Потом они сделали шаг.

Путник, Юрай и Миленка.

В свет.

Миленка больше не плакала от боли. Она плакала так, как плачет человек, когда после долгой зимы впервые чувствует весну.

Когда они исчезли, свет не закрылся резко. Он медленно уменьшался, пока не остался лишь в одной капле воды. Эта капля упала обратно в ручей.

И вода снова потекла.

Утром к Беловежскому ручью пришли люди.

Они не знали почему, но многих разбудил сон о свете. Пришли женщины, старики, корчмарь, возчики и дети. На камне, где обычно сидела фея, никого не было.

Он лишь был влажным.

Не от обычной воды.

От росы, пахнувшей лилиями.

На поверхности воды плавал маленький кусочек хлеба.

Корчмарь побледнел.

— Это тот хлеб, — прошептал он. — Тот, который вчера путник положил в свою суму.

Старый возчик снял шляпу.

— А мы ужинали вместе с ним.

Жена корчмаря прикрыла рот рукой.

— Мы жаловались ему на свои заботы...

Хозяин, который рассказывал о брате, опустился на колени.

— Мы сидели за одним столом с Господом...

И тогда они поняли.

Тот путник, который шёл из Бардейова в Хажлин, не был обычным человеком.

Это был Сам Господь Иисус Христос, пришедший тихо, без славы, без труб, без королевской свиты, с дорожным посохом и кусочком хлеба в суме, чтобы привести одну израненную душу к покою.

Люди плакали.

Не от страха.

От благодарности.

С того дня Беловежский ручей изменился. Не внешне. Он по-прежнему тёк между ольхами и ивами. В нём по-прежнему можно было найти гладкие камешки. Он по-прежнему шумел после дождя и затихал в засуху.

Но возле него больше не чувствовалось тяжёлого ожидания.

Тот, кто приходил к нему с печалью, больше не чувствовал, будто вода тянет его вниз. Наоборот, ему казалось, что вода тихо говорит:

— Отпусти то, что Бог уже держит лучше тебя.

Люди начали приходить туда молиться за тех, кого потеряли. Не для того, чтобы они вернулись обратно. А чтобы их любовь перестала быть раной и стала светом.

Возле камня, где сидела Миленка, поставили маленький деревянный крест. Он был невелик. Не был украшен. Внизу кто-то вырезал слова:

— Он уже там.

Никто не знал, кто их вырезал. Может быть, старый возчик. Может быть, корчмарь. Может быть, ангел ночью. А может быть, сам ветер.

И говорят, что в лунные ночи на поверхности ручья иногда появляются два лица.

Одно женское, нежное, как вода.

Другое мужское, спокойное, как возвращение домой.

Они улыбаются.

Не печально.

Не с тоской.

А так, как улыбаются те, кто больше не ищет, потому что нашёл.

А иногда, когда ночь становится совсем тихой, у ручья можно услышать и третий шаг. Шаг путника, который идёт дальше — в Хажлин, в Бардейов, в каждую деревню, в каждый дом, где кто-то стоит возле своей боли и не умеет её отпустить.

Никто не обязан узнать его сразу.

Может быть, он придёт как путник.

Может быть, как человек, который сядет за стол.

Может быть, как тихое слово в сердце.

Может быть, как кусочек хлеба, оставшийся на столе и которому предстоит ещё одна служба.

Так закончилась сказка о Водяной фее из Беловежского ручья, о Миленке, которая целые века искала своего Юрая в отражении воды, о людях, которые молились за неё, об ангелах, оказавшихся бессильными перед закрытой болью, и о путнике, в котором жители деревни лишь позже узнали Господа Иисуса Христа.

А поучение этой сказки шаришские дети ещё долго повторяли:

— Любовь, которая держит, может причинять боль целые века. Любовь, которая доверяет Богу, найдёт путь даже за границей смерти. А тому, кто примет истину сердцем, даже вода станет вратами покоя.

О колоколах из Хажлина

Давным-давно, очень давно, когда из Бардейова в Хажлин ходили пешком, ездили верхом или на деревянных повозках, а вечерние вести передавались из дома в дом быстрее, чем ветер между полями, над Хажлином стояла старая церковь.

Это была не самая большая святыня в Шаришском крае. У неё не было высоких башен, видимых издалека, ни золотых украшений, о которых купцы рассказывали бы на ярмарках. Она была скромной, крепкой и белой, словно кто-то поставил её на холме для того, чтобы деревня всегда знала, куда обратить взгляд, когда нужно помолиться, поблагодарить или просто ненадолго замолчать.

В башне висели три колокола.

У самого большого был глубокий голос, который разносился над крышами и полями, словно серьёзное слово старого деда. Средний звучал мягче, и его голос умел подхватить ветер так, что его было слышно даже у дороги, ведущей к Бардейову. Самый маленький колокол звенел ясно и чисто. Когда он начинал звонить, дети говорили, что по небу скачут серебряные капли.

Люди называли их Большим, Средним и Малым.

Но никто не знал их настоящих имён.

Они не были выгравированы на металле.

Их знало только небо.

Старый звонарь Вавринец говорил:

— У каждого колокола два имени. Одно ему дают люди, а другое даёт Бог — в зависимости от того, чему должен служить его голос.

— А как зовут наши колокола? — спрашивали дети.

Вавринец всегда улыбался.

— Если бы я это знал, я уже не был бы всего лишь звонарём.

Дети этого не понимали. Им казалось, что звонарь должен знать о колоколах всё. Но Вавринец знал: чем старше становится человек, тем лучше понимает, сколько всего остаётся тайной.

Вавринец жил в маленьком доме неподалёку от церкви. У него были седые волосы, медленная походка и руки, огрубевшие от веревок, дерева и работы. Каждое утро он поднимался на башню. Проверял крепления, осматривал языки колоколов, касался бронзы и некоторое время слушал.

Он никогда не начинал звонить сразу.

Сначала клал ладонь на самый большой колокол.

Потом на средний.

И наконец на самый маленький.

— Сегодня спокойно, — шептал он.

Или:

— Сегодня разбудите тех, кто забыл.

Иногда говорил:

— Сегодня плачьте вместе с ними.

И колокола всегда понимали, что он имеет в виду.

В Хажлине в те времена жила шестилетняя девочка по имени Доротка. У неё были светлые косички, маленький веснушчатый нос и такой тонкий слух, что она слышала, как мышь скребётся в амбаре, как вода капает из жёлоба и как жужжит пчела, заблудившаяся под крышей.

Но больше всего она любила слушать колокола.

Когда они звонили в праздник, Доротка смеялась.

Когда звонили на похоронах, она садилась на пороге и молчала.

Когда звонили перед грозой, она слышала в их голосах тревогу, словно они просили небо ещё немного подождать.

Однажды она спросила Вавринца:

— Почему они каждый раз звучат по-разному, если сами всегда остаются теми же?

Звонарь опёрся на палку.

— Потому что колокол говорит не только металлом. Он говорит тем, что приносят ему люди.

— Люди приносят что-то колоколам?

— Да.

Доротка посмотрела на башню.

— Я никого не видела.

— Это не носят в корзинах.

— А как тогда?

Вавринец коснулся её лба.

— Здесь.

Потом положил ладонь ей на грудь.

— И здесь.

Доротка думала об этом весь день. Вечером она сидела под башней и смотрела вверх, словно хотела сквозь деревянные ставни увидеть бронзовые колокола.

И тут она услышала что-то странное.

Тихий звон.

Не с башни.

Из-под земли.

Она приложила ухо к траве.

Дзинь.

Потом ещё раз.

Дзинь.

Словно под деревней висел ещё один колокол.

Доротка побежала к Вавринцу.

— Под землёй колокол!

Старик не рассмеялся.

Он остановился.

— Где ты его слышала?

Она показала ему место возле стены церкви.

Вавринец опустился на колени, положил ладонь на землю и долго молчал.

Когда он поднялся, лицо его было бледным.

— Это не колокол под землёй.

— А что тогда?

— Это звучит четвёртый голос.

— Где он?

— Пока нигде.

Доротка наклонила голову.

— Как может звонить то, чего нигде нет?

— Вот этого я и боюсь.

В следующие дни в Хажлине начали происходить необъяснимые вещи.

Когда звонил самый большой колокол, люди слышали в его голосе собственные имена.

Не все.

Только некоторые.

Старый хозяин в поле услышал:

— Микулаш.

Он оглянулся, но рядом никого не было.

Женщина у колодца услышала:

— Катарина.

Она подумала, что её зовёт соседка.

Но улица была пуста.

Молодой пастух услышал своё имя так близко, словно кто-то прошептал его прямо ему на ухо.

Средний колокол делал нечто другое. Когда он звучал, люди вспоминали то, что давно забыли.

Одна женщина вдруг вспомнила колыбельную своей матери.

Старик — запах яблони возле дома, в котором вырос.

Кузнец — первый гвоздь, который выковал ещё мальчиком.

Ребёнок — место, куда спрятал деревянную лошадку.

Самый маленький колокол вёл себя страннее всех. Когда он звенел, двери в домах открывались сами.

Не все.

Только те, за которыми кто-то долго ждал гостя.

Однажды открылась дверь старой вдовы, которая уже несколько месяцев не выходила к людям. На пороге как раз стоял соседский мальчик с миской супа.

В другой раз открылась дверь дома, где два брата после тяжёлой ссоры сидели каждый в своей комнате. Когда дверь распахнулась, им пришлось посмотреть друг на друга.

Люди удивлялись, но не боялись.

— Хажлинские колокола всегда знали больше нас, — говорили они.

Только Вавринец становился всё тревожнее.

Каждую ночь он поднимался на башню и слушал металл. Однажды Доротка последовала за ним.

— Тебе не следует здесь быть, — сказал он.

— Под землёй снова звенит.

Вавринец вздохнул.

— Ты всё ещё его слышишь?

— Каждую ночь всё громче.

Старый звонарь открыл маленькую деревянную шкатулку, спрятанную за балкой. В ней лежала потрёпанная книга, перевязанная кожаным ремешком.

— Это оставил мне мой дед, — сказал он.

Страницы книги пожелтели и были полны рисунков колоколов, звёзд, крыльев, человеческих ладоней и странных линий. Некоторые страницы были исписаны старинным почерком, другие оставались пустыми.

Вавринец нашёл рисунок четырёх колоколов.

Три висели на башне.

Четвёртый был нарисован в воздухе между землёй и небом.

— Что это? — спросила Доротка.

— Колокол, который никогда не был отлит.

— Почему?

— Потому что он был не из металла.

Под рисунком была написана фраза:

Когда трёх голосов станет недостаточно, четвёртый начнёт рождаться из того, что осталось невысказанным.

Доротка прочитала эту фразу лишь по частям, потому что ещё не знала всех букв.

— Что это значит?

Вавринец закрыл книгу.

— Что деревня носит в себе нечто такое, чего уже не могут вынести даже три колокола.

— Что?

— Это нам и предстоит выяснить.

На следующий день колокола вообще не зазвонили.

Вавринец тянул за верёвки, но языки колоколов не касались бронзы. Словно между ними находилась невидимая воздушная подушка.

Люди собрались под башней.

— Сегодня праздник, — говорили они.

— Колокола должны звонить.

— Может быть, сломалось крепление.

— Может быть, повредились верёвки.

Вавринец всё проверил.

Ничего не было сломано.

Ничего не ослабло.

Колокола просто отказывались говорить.

В тот вечер над Хажлином появился странный туман. Он пришёл не с полей и не от ручья. Он поднимался из теней домов. Туман был светло-серым, а внутри него мерцали маленькие золотые точки.

Когда он коснулся башни, три колокола раскрылись.

Не раскололись.

Раскрылись.

Их бронза развернулась, словно лепестки металлических цветов, и из каждого появилась высокая фигура.

Из самого большого колокола вышла женщина в плаще цвета земли после дождя. У неё было серьёзное и доброе лицо. Из среднего появился мужчина с глазами, полными звёзд. Из самого маленького вышло хрупкое существо, похожее на молодую девушку, чьи волосы звенели, словно маленькие колокольчики.

Доротка и Вавринец стояли в башне.

— Кто вы? — прошептала Доротка.

Женщина ответила:

— Я голос первого колокола. Моё имя — Воспоминание.

Мужчина сказал:

— Я голос второго. Меня зовут Возвращение.

Девушка улыбнулась:

— А я голос самого маленького. Моё имя — Открытая дверь.

Доротка оглянулась.

— А где четвёртый?

Три существа опечалились.

— Он как раз рождается, — сказала Воспоминание.

— И если он родится неправильно, — добавил Возвращение, — он не будет созывать людей к покою.

— А к чему он будет их звать? — спросил Вавринец.

Открытая дверь прошептала:

— К тому, чего они никогда не сказали.

В этот момент под деревней раздался глубокий удар.

Земля не задрожала.

Но все окна в Хажлине запотели изнутри.

На каждом стекле появилось одно слово.

На одном:

Прости.

На другом:

Останься.

На третьем:

Помоги мне.

На другом:

Мне тебя не хватает.

Люди вышли из домов и смотрели на слова.

Некоторые смутились.

Другие заплакали.

Третьи быстро вытерли стекло, словно боялись, что кто-нибудь увидит их тайну.

Воспоминание сказала:

— Четвёртый колокол создаётся из слов, которые люди слишком долго держали в себе.

Возвращение указал вниз.

— Если он наполнится молчанием, его звук станет таким тяжёлым, что отнимет у людей голос.

— Они станут немыми? — спросила Доротка.

— Не устами, — ответило существо. — Сердцем. Они будут говорить, но никто не сможет сказать ничего действительно важного.

Вавринец опёрся о балку.

— Как нам его остановить?

— Не останавливайте, — ответила Воспоминание. — Он должен родиться.

— Тогда что нам делать?

— Научить его правильному звуку.

Доротка посмотрела на колокола.

— Как учат колокол?

Открытая дверь наклонилась к ней.

— Так же, как учат ребёнка. Тем, что он услышит первым.

Туман спустился с башни и окутал деревню.

В следующие три дня произошло нечто такое, чего жители Хажлина уже никогда не забыли.

Каждый человек ровно в полдень слышал одно слово, которое должен был кому-то сказать.

Не чужое слово.

Своё собственное.

Хозяин Микулаш услышал:

— Спасибо.

Всю жизнь он воспринимал помощь своей жены как нечто само собой разумеющееся. Когда это слово прозвучало, он стоял возле амбара и не знал, что с ним делать.

Катарина у колодца услышала:

— Я боюсь.

Все считали её сильной женщиной. Она никогда не жаловалась. А теперь должна была признаться, что её пугает болезнь ребёнка.

Молодой пастух услышал:

— Прости.

Он точно знал, кому должен сказать это слово. Брату, чью старую отцовскую рубаху он в гневе разорвал.

Некоторые люди произносили свои слова.

Когда они говорили их искренне, в траве под башней появлялась маленькая бронзовая капля. Капли постепенно соединялись.

Другие молчали.

Их невысказанные слова превращались в тёмные камешки, которые ночью сами катились к церкви. Внутри каждого камня тихо гудело.

Доротка это видела.

— Четвёртый колокол будет наполовину из бронзы, а наполовину из камней?

Воспоминание ответила:

— Он будет таким, какими окажутся ответы людей.

Вавринец ходил по деревне. Он никого не заставлял говорить. Только объяснял:

— Слово, которое принадлежит другому человеку, со временем меняется в сердце. Благодарность становится горькой. Извинение твердеет. Любовь начинает причинять боль.

Не все его слушали.

Старый Юрай тридцать лет не разговаривал со своим другом Мартином из-за спора о куске луга. В полдень он услышал:

— Мне жаль.

— Мне не жаль, — сказал он вслух.

Слово внутри него ударило, словно молот.

— Он начал первым.

Вечером перед дверью он нашёл чёрный камешек. Бросил его прочь. Камешек вернулся.

На следующий день он стал больше.

На третий день лежал уже поперёк всего порога.

Юрай не мог выйти из дома.

— Что мне делать? — кричал он.

Доротка, проходившая мимо, остановилась.

— Скажите это.

— Что?

— То слово.

— Он его не заслуживает.

Доротка села на камень.

— Может быть, вы говорите его не потому, что он этого заслуживает. Может быть, потому, что этот камень больше не должен держать вас дома.

Юрай долго смотрел на неё.

Потом позвал Мартина.

Когда старый друг появился, они стояли друг напротив друга, словно два упрямых мальчика в телах стариков.

Юрай открыл рот.

Ничего.

Попробовал снова.

— Мне жаль.

Камень под Дороткой засиял и рассыпался на сотни бронзовых зёрен. Глаза Мартина увлажнились.

— Мне тоже.

Два слова поднялись в воздух, словно две птицы, и полетели к церкви.

Четвёртый колокол рос.

Никто ещё не видел его целиком. Он появлялся лишь в лунном свете как прозрачный силуэт под башней. С каждым искренним словом он приобретал новую часть. С каждым скрытым словом на нём появлялось тёмное пятно.

Доротка каждый вечер приходила к нему.

— Каким ты будешь? — спрашивала она.

Колокол не отвечал.

Лишь внутри него смешивались человеческие голоса.

Однажды она услышала, как мать говорит ребёнку:

— Я горжусь тобой.

В другой раз — как мужчина говорит женщине:

— Без тебя я бы не справился.

Потом ребёнка:

— Я не хотел лгать. Я боялся.

Эти голоса звучали как чистый металл.

Но между ними были и невысказанные слова.

Они не говорили.

Они вздыхали.

Стонали.

Шептали без формы.

В последнюю ночь перед праздником четвёртый колокол должен был родиться окончательно.

Над Хажлином затянулось небо. Грозы не было, но звёзды исчезли. Три старых колокола сами начали раскачиваться, однако по-прежнему молчали.

Люди собрались вокруг церкви.

На траве лежал большой прозрачный колокол. Он был прекрасным и страшным одновременно. Одна его половина сияла бронзовым светом, другая была тёмной, как скала под землёй.

Вавринец открыл старую книгу.

На последней, до тех пор пустой странице появились слова:

Новый колокол получит имя по первому голосу, который его разбудит. Если его разбудит правда, он будет учить людей говорить. Если его разбудит страх, он заставит их молчать.

— Кто должен заговорить первым? — спрашивали люди.

Никто не хотел.

Каждый боялся, что его слово окажется недостаточно чистым.

— Это должно быть слово священника.

— Нет, звонаря.

— Старосты.

— Самого старого человека.

Вавринец чувствовал, что люди начинают думать о важности и положении, а не о правде.

Тогда Доротка прошла между ними.

Она была маленькой. Взрослые расступались перед ней, потому что не понимали, что она собирается сделать.

Она подошла к колоколу и положила ладонь на его край.

Колокол был холодным.

— Я боюсь, — сказала она.

Люди замолчали.

Это не было торжественное слово.

Не было возвышенным.

Это не была молитва и не великое признание.

Это была обычная детская правда.

— Я боюсь, что ты зазвонишь неправильно, — продолжила она. — Боюсь, что люди перестанут разговаривать. Боюсь и того, что надо мной будут смеяться, потому что я маленькая. Но я не хочу молчать, когда мне страшно.

Тёмная половина колокола задрожала.

Одно пятно превратилось в свет.

Доротка повернулась к Вавринцу.

— А вы тоже боитесь?

Старый звонарь опустил голову.

— Да. Я боюсь, что всю жизнь слушал колокола, а людей иногда всё же не слышал.

Исчезло ещё одно тёмное пятно.

Катарина вышла из толпы.

— Я боюсь за своего ребёнка. Я делала вид, что сильная, потому что не хотела никого обременять. Но мне нужна помощь.

Женщины подошли к ней ближе.

— Мы тебе поможем.

Колокол засиял ещё ярче.

Хозяин Микулаш сказал своей жене:

— Спасибо тебе. Я никогда не говорил этого достаточно часто.

Молодой пастух обнял брата:

— Прости.

Старый Юрай и Мартин встали рядом.

Один за другим люди произносили слова, которые носили в себе. Некоторые были красивыми. Другие неловкими. Некоторые причиняли боль. Некоторые вызывали слёзы. Но каждое искреннее слово откалывало от колокола кусочек тёмного камня.

В конце осталась лишь одна чёрная отметина посередине.

Она была самой большой.

Изнутри доносился тихий плач.

— Чьё это слово? — спрашивали люди.

Никто не отзывался.

Доротка приложила ухо к колоколу.

Она слышала голос.

Очень старый.

Это было не слово одного человека.

Это было слово всей деревни.

Останьтесь с нами.

Оно принадлежало всем тем, кто ушёл.

Сыновьям, не вернувшимся из дальних дорог.

Дочерям, вышедшим замуж далеко от дома.

Тем, кого забрала болезнь.

Старикам, которые умерли.

Путникам, прошедшим через Хажлин и больше никогда не вернувшимся.

Поколение за поколением деревня носила в себе желание удержать тех, кого любила.

Поэтому пятно было таким большим.

Доротка заплакала.

— Мы не можем сказать им, чтобы они остались.

Вавринец опустил на колени.

— Нет.

— Тогда что мы скажем?

Воспоминание, Возвращение и Открытая дверь вышли из старых колоколов. На этот раз их видели все.

Воспоминание сказала:

— Иногда любовь — это голос, который зовёт обратно.

Возвращение добавил:

— Но не всякое возвращение происходит телом.

Открытая дверь улыбнулась сквозь слёзы:

— Иногда нужно сказать: идите с миром, и вы останетесь в нас иначе.

Деревня замолчала.

Вавринец поднял глаза к колоколу.

— Идите с миром, — сказал он за тех, кого потерял.

Катарина повторила:

— Идите с миром.

Потом остальные.

Сначала тихо.

Потом громче.

— Идите с миром.

Чёрное пятно начало растворяться.

Не сразу.

Оно превращалось в маленьких тёмных птиц, которые улетали в небо. Когда исчезла последняя, четвёртый колокол стал целым.

Он был прозрачным и в то же время бронзовым. В его металле отражались лица людей, стоявших вокруг. Он не висел в башне. Он парил между землёй и самым низким облаком.

Доротка прикоснулась к нему.

Колокол зазвучал.

Его первый звон был негромким.

И всё же его услышали даже возле Бардейова, в Беловеже, на дорогах к Хажлину и в домах тех, кто уже давно покинул родной край.

Каждый, кто его услышал, вспомнил одно невысказанное слово.

Не для того, чтобы оно причинило боль.

А чтобы его ещё можно было произнести, пока не стало слишком поздно.

Колокол получил имя.

Его не произнёс священник.

Не звонарь.

Не староста.

Имя одновременно появилось в сердцах всех людей.

Его звали Искренность.

Три старых колокола наконец зазвонили вместе с ним.

Самый большой, Воспоминание, нёс голос прошлого.

Средний, Возвращение, нёс надежду на то, что утраченное может вернуться в иной форме.

Самый маленький, Открытая дверь, созывал людей друг к другу.

А четвёртый, Искренность, давал словам смелость выйти из уст прежде, чем они превратятся в камень.

С той ночи колокола Хажлина звонили уже не только по часам.

Когда кто-то слишком долго откладывал извинение, Искренность отзывалась одним коротким звоном.

Когда человек боялся попросить о помощи, средний колокол звучал мягко, и открывались двери соседей.

Когда кто-то умирал, самый большой колокол нёс его имя так, чтобы оно не исчезло.

Когда рождался ребёнок, самый маленький колокол звонил ясно, а четвёртый вкладывал ему в сердце смелость однажды говорить правду.

Но днём Искренность никогда нельзя было увидеть.

Чужеземцы приезжали в Хажлин и насчитывали в башне только три колокола.

— Вы говорите о четырёх, — удивлялись они.

Местные жители улыбались.

— Четвёртый не висит на верёвке.

— Тогда где он?

— Между словом и сердцем.

Доротка выросла. Вавринец научил её заботиться о колоколах, хотя в те времена было непривычно, чтобы девушка поднималась на башню и знала все верёвки. Но он сказал:

— Тот, кто услышал колокол ещё до его рождения, имеет право остаться рядом с ним.

Когда Вавринец состарился настолько, что больше не мог подниматься по ступеням, Доротка звонила вместо него. Она никогда не тянула за верёвку в гневе. Перед каждым звоном клала ладонь на бронзу и спрашивала:

— Что людям сегодня нужно услышать?

Иногда колокола отвечали сразу.

Иногда молчали.

Доротка знала, что и молчание может быть голосом, если человек не убегает от того, что слышит внутри себя.

Однажды зимним вечером Вавринец умер. Он ушёл спокойно, сидя у печи, со старой книгой на коленях. Когда Доротка открыла её последнюю страницу, там появился новый рисунок.

Четыре колокола.

Три в башне.
Один парящий над деревней.
Под ними были слова:

Колокола получили голос не для того, чтобы перекрычать людей. Они получили его для того, чтобы люди нашли голос в самих себе.

На похоронах Вавринца прозвучали все четыре.
Люди видели только три движущихся колокола. Четвёртый они слышали внутри себя.
Каждому он напомнил о чём-то, что дал ему старый звонарь.

Совет.

Улыбку.

Молчание.

Предостережение.

Доротке он прошептал:

— Продолжай слушать.

Шли годы.

В Хажлине появлялись новые дома, старые исчезали, дороги менялись, и в край приходили другие времена. Но колокола оставались.

Иногда их повреждала буря.

Иногда приходилось ремонтировать башню.

Иногда люди почти забывали их тайну.

Но всегда находился хотя бы один ребёнок, который ложился на траву возле церкви и слышал из-под земли слабое:

Дзинь.

Тогда он знал, что Искренность ещё не исчезла.

Старики говорили, что четвёртый колокол показывается только в лунном свете. Не как целый колокол, а как тонкий круг над башней. Тот, кто под ним произнесёт правду, которую долго скрывал, почувствует облегчение. Не потому, что всё сразу исправится. Правда — не волшебная метла, которая сметает последствия.

Но она открывает дверь, через которую может войти примирение.

Говорили также, что ложь, произнесённая под хажлинскими колоколами, уже не остаётся прежней. Она превращается в маленький камешек в обуви. Человек может идти дальше, но каждый шаг будет напоминать о нём. Камешек исчезнет только тогда, когда человек исправит свою ложь.

Однажды в Хажлин приехал богатый купец. Он услышал о четвёртом колоколе и захотел его купить.

— Я хорошо за него заплачу, — сказал он.

Люди рассмеялись.

— Его нельзя снять.

— Значит, его отлил кто-то другой. Я его найду.

Всю ночь он обыскивал башню. Нашёл только три колокола, старые балки, верёвки и пыль. Когда спускался вниз, услышал над собой тихий звон.

— Где ты? — закричал он.

Искренность ответила ему в сердце:

— Что ты на самом деле хочешь купить?

Купец замер.

Он хотел колокол, потому что мечтал о славе человека, владеющего чем-то невидимым.

Впервые он признался себе в этом.

Утром он уехал без колокола, но с более лёгким шагом.

В другой раз пришла женщина, которая много лет винила себя в смерти своего ребёнка, хотя не была в ней виновата. Она села под башней и сказала:

— Я не умею простить себя.

Четвёртый колокол прозвучал так тихо, что напомнил ей биение маленького сердца.

Во сне она потом увидела своего ребёнка, бегущего по лугу, и услышала:

— Мама, не носи это вслед за мной.

Боль не исчезла. Но перестала быть наказанием.

Такими были колокола Хажлина.

Они не исполняли каждое желание.

Не возвращали время.

Не спасали людей от каждой утраты.

Они делали нечто более тонкое и, возможно, более важное.

Давали людям голос, когда правда оставалась в плену.

Давали память, когда они кого-то теряли.

Открывали двери, когда человек замыкался в себе.

И учили отпускать с миром то, что уже невозможно было удержать.

Доротка дожила до глубокой старости. Когда она уже была старой, то часто сидела перед церковью, а дети спрашивали её:

— Правда, что колокола разговаривают?

— Да.

— А что они говорят?

— То, чего мы не хотим слышать, но что нам необходимо.

— А их действительно четыре?

Доротка улыбалась.

— А сколько вы слышите?

Дети прислушивались.

Сначала звучали три колокола в башне.

Глубокий.

Мягкий.

Ясный.

А потом, когда они совсем замолкали, внутри каждого ребёнка раздавался ещё один тихий звон.

Дети открывали глаза.

— Четыре!

— Значит, их четыре.

Когда однажды Доротка покинула этот мир, колокола зазвонили сами. Первый нёс все воспоминания о девочке, которая услышала колокол под землёй. Второй звал её душу домой. Третий открыл дверь между печалью и благодарностью.

А четвёртый сказал людям:

— Скажите ей сейчас то, чего не успели.

Деревня стояла под башней.

Каждый произнёс одну фразу.

— Спасибо тебе.

— Мы не забудем.

— Ты была для нас светом.

— Иди с миром.

Когда отзвучала последняя фраза, над Хажлином появился прозрачный колокол. Луна просвечивала сквозь него, словно сквозь чистую каплю. Колокол медленно поднялся выше, но не исчез. Он растворился в ночном небе и остался в нём невидимым голосом.

С тех пор, говорят, колокола Хажлина слышат даже люди, находящиеся далеко от дома. Если тот, кто родился в Хажлине, стоит в чужой стране и не знает, стоит ли ему возвращаться, ночью он может услышать знакомый звон. Он не прикажет ему, что делать. Лишь напомним, откуда он вышел и чего на самом деле хочет его сердце.

А если двое людей не могут примириться, им следует прийти под башню и немного помолчать. Не для того, чтобы колокола решили, кто прав. Колокола не судьи.

Нужно подождать, пока между ними прозвучит четвёртый тон.

Он всегда спрашивает:

— Что бы ты сказал, если бы не боялся потерять свою гордость?

Не каждый отвечает сразу.

Но тому, кто ответит, путь к другому человеку хотя бы немного откроется.

Так закончилась сказка о колоколах Хажлина, о старом звонаре Вавринце, маленькой Доротке, трёх невидимых голосах и четвёртом колоколе, который родился не из бронзы, а из слов, слишком долго ждавших в человеческих сердцах.

А поучение этой сказки шаришские дети ещё долго повторяли:

— Невысказанная правда со временем становится тяжёлой, как камень. Но искреннее слово может прозвучать, словно колокол, который откроет дверь, вернёт человека к самому себе и позволит любви заговорить прежде, чем станет слишком поздно.

Деревянный рыцарь из Комарова

Давным-давно, очень давно, когда по шаришским дорогам ещё мчались кони с пеной на уздечках, а вести между Бардейовом, Куримой и деревнями владения Маковица перевозили гонцы в седельных сумках, в долине неподалёку от Топли лежал Комаров.

Он был меньше королевских городов, но жившие в нём люди не считали его незначительным. У них были свои поля, луга, сады, ремёсла, колодцы и старые тропы, ведущие к реке. По утрам над крышами домов поднимался дым, а по вечерам по деревне разносился запах дерева, печёного хлеба, сена и влажной земли.

В самом сердце деревни раскинулся господский сад, который местные жители называли Керта.

Это был не обычный фруктовый сад. Старые яблони склонялись друг к другу, словно после наступления темноты о чём-то беседовали. У груш были искривлённые стволы, напоминавшие руки стариков. Розы цвели даже там, где их никто не сажал, а под липами воздух всегда был теплее, чем в других местах. Посреди сада рос старый дуб с такой раскидистой кроной, что его тень напоминала зелёную крышу огромного зала.

Люди говорили, что Керта сама выбирает, чему в ней расти.

Когда кто-нибудь пытался посадить дерево лишь для того, чтобы заработать на его плодах, саженец часто засыхал. Но если его сажали ради детей, путников или будущих поколений, корни приживались даже в каменистой земле.

В Комарове жил плотник по имени Матуш. Его руки знали дерево лучше, чем многие люди знали собственных соседей. Он умел сделать крепкую повозку, дверь, скамью, колыбель,

сундук и крест. Его маленький сын Янко часто сидел в мастерской и наблюдал, как под отцовским долотом грубый кусок дерева превращается в полезную вещь.

Однажды Матуш показал мальчику два куска дерева.

Первый был прямым, длинным и крепким.

Второй — короче, шире и с красивым тонким узором древесины.

— Что из них получится? — спросил Янко.

— Из первого — балка, — ответил отец. — Из второго — миска.

— А почему ты не сделаешь из первого миску?

— Потому что он хочет держать крышу.

— А из второго балку?

Матуш улыбнулся.

— Потому что он хочет держать воду или хлеб.

— Дерево чего-то хочет?

Отец положил ладонь на прямое бревно.

— У каждого куска дерева есть своё направление. Если заставлять его принимать неподходящую форму, оно треснет. Хороший плотник не придумывает дереву судьбу. Он лишь слушает, чем оно хочет стать.

— А человек тоже?

Матуш посмотрел на сына серьёзнее.

— И человек. Только человека слушать труднее, потому что мир кричит громче, чем его сердце.

Янко запомнил эту фразу.

Он ещё не знал, что именно она однажды поможет ему понять величайшую тайну Керты.

Всё началось поздней осенью, когда над долиной три дня стоял густой туман. Он был таким белым, что человек на дороге не видел собственных сапог. Собаки не лаяли, а лошади отказывались выходить из конюшен. Люди раньше закрывали двери, потому что им казалось, будто в тумане движется нечто, не знающее человеческих троп.

На четвёртый вечер из тумана послышался стук конских копыт.

Медленный.

Ровный.

Словно к деревне приближался одинокий всадник, который не боялся заблудиться в тумане.

У первых домов появился чёрный конь. На его спине сидел мужчина в тёмном плаще, со старым шлемом, привязанным к седлу, и мечом, рукоять которого была обтянута выцветшей синей кожей. Он был не молод, но и не стар. Лицо его выглядело усталым, на левой щеке был тонкий шрам, а в глазах — спокойствие человека, повидавшего больше дорог, чем ему хотелось бы о них рассказывать.

Над его головой летела белая цапля.

Это была не обычная цапля из тех, что стояли на мелководье у Топли. Она была крупнее, её белые перья отливали серебром, а на лбу росло одно узкое чёрное перо. Она кружила над всадником, но никогда не удалялась от него больше чем на несколько шагов.

Когда мужчина остановился у колодца, цапля села ему на плечо.

Деревенские собаки попятились.

Дети перестали разговаривать.

Даже туман вокруг незнакомого всадника словно расступился.

Староста вышел из своего дома.

— Кто вы и что ищете в Комарове?

Мужчина спешил.

— Меня зовут Радован.

— Откуда вы пришли?

Рыцарь оглянулся на туман.

— Из мест, которые я больше не хочу носить в своём имени.

Такой ответ старосте не понравился.

— Вы воин?

— Был им.

— Рыцарь?

— Если рыцарь — каждый, у кого есть меч, тогда да. Если же рыцарь лишь тот, кто знает, когда его не следует обнажать, то я всё ещё этому учусь.

Цапля наклонила голову и заговорила женским голосом:

— Он устал. Дайте ему воды, прежде чем станете расспрашивать обо всех его вчерашних днях.

Люди отступили.

Одна женщина выронила ведро.

Староста перекрестился.

— Эта птица разговаривает!

— Её зовут Лаба, — сказал Радован. — И она часто говорит то, чего я сам не могу произнести.

— Она заколдована?

Лаба посмотрела на старосту жёлтыми глазами.

— А вы разве нет? Каждого человека что-нибудь заколдовывает. Одного — золото, другого — гнев, третьего — страх. Я лишь получила голос, чтобы не дать одному упрямому мужчине окончательно заблудиться.

Некоторые засмеялись, хотя всё ещё боялись.

Радовану дали воды, хлеба и место в сарае. Он хотел остаться там лишь на одну ночь. Но туман не рассеивался, а утром его конь начал хромать. Плотник Матуш помог ему починить повреждённую часть седла. Янко во время работы восхищённо разглядывал рыцарский меч и старые знаки на его металлических ножнах.

— Сколько врагов вы победили? — спросил он.

Радован долго молчал.

— Достаточно, чтобы перестать спрашивать себя, скольких я победил.

Мальчик не понял этого ответа.

— А Лаба сражается вместе с вами?

Цапля, стоявшая на балке, щёлкнула клювом.

— Я сражалась главным образом с его глупостью.

Радован впервые улыбнулся.

Вскоре жители Комарова заметили, что между рыцарем и Лабой было нечто особенное.

Они не были хозяином и животным.

Не были и волшебником с заколдованной помощницей.

Они были товарищами.

Когда Радован спал, Лаба бодрствовала. Когда цапля поранилась о колючки, рыцарь очистил её крыло с такой нежностью, какой никто не ожидал бы от человека с мечом. Они часто вместе уходили к Топле. Радован сидел на берегу, а Лаба стояла в воде. Иногда они часами не разговаривали. И всё же было ясно, что они понимают друг друга.

Дети начали придумывать, откуда они пришли.

Одни утверждали, что Лаба была принцессой, превращённой в птицу.

Другие — что Радован когда-то спас её птенца.

Старые женщины шептались, будто цапля — душа сестры рыцаря.

Никто не решался спросить об этом прямо.

Кроме Янко.

Однажды вечером он нашёл Радована в Керте. Рыцарь стоял под старым дубом и касался ладонью его коры. Лаба сидела над ним на ветке.

— Откуда вы знаете друг друга? — выпалил мальчик.

Лаба посмотрела на Радована.

— Ты сам ему расскажешь или опять я?

Рыцарь сел у корней.

— Когда я был молод, я верил, что слава может защитить человека от пустоты. Я служил господину, который вёл войны из-за границ, гербов и оскорблений. В одной битве мы преследовали врагов до самых болот. Там я нашёл раненую цаплю.

— Это была Лаба?

— Да. У неё было сломано крыло. Мои товарищи смеялись надо мной за то, что я забочусь о птице, пока люди истекают кровью.

Лаба добавила:

— Тогда он ещё не умел лечить ни человека, ни птицу. Но старался.

— А потом она начала говорить?

Радован покачал головой.

— Она говорила и раньше. Просто я слышал её только тогда.

— Почему?

— Может быть, потому, что впервые держал в руках что-то слабое, не желая над ним властвовать.

Лаба расправила крыло.

— С того дня я сопровождала его. Кто-то должен был напоминать ему, что дорога, по которой он идёт, не всегда та, которую показывает ему гордость.

Янко коснулся корня старого дуба.

— А почему вы пришли сюда?

Рыцарь посмотрел между деревьями Керты.

— Не знаю.

Но Лаба сказала:

— Я знаю.

Радован поднял голову.

— Тогда говори.

— Этот сад позвал тебя.

В этот момент под землёй раздался тихий гул.

Старый дуб задрожал, хотя ветра не было. С его ветвей упало несколько листьев, но они не опустились на землю. Они зависли в воздухе вокруг рыцаря, словно зелёные птицы.

Янко затаил дыхание.

Лаба сказала:

— Керта сама выбирает, чему в ней расти.

Радован нахмурился.

— Я не дерево.

— Пока нет.

Листья разом упали.

Рыцарь резко поднялся.

— Что ты хочешь этим сказать?

Цапля не ответила.

С того вечера Радован пытался покинуть Комаров.

В первый раз его конь остановился на дороге и отказался сделать хотя бы шаг. Когда Радован повернул его обратно к деревне, конь спокойно пошёл вперёд.

Во второй раз Радован отправился пешком. Он шёл весь день, но к вечеру вышел из леса снова возле Керты.

В третий раз он пошёл вдоль Топли, чтобы дорога не могла его запутать. Но река разделилась на столько рукавов, что каждый из них привёл его обратно к Комарову.

— Я пленник? — спросил он Лабу.

— Нет.

— Тогда почему я не могу уйти?

— Потому что всю жизнь ты уходил раньше, чем успевал понять, зачем куда-то пришёл. Радован рассердился.

— А ты это знала?

— Догадывалась.

— И ничего мне не сказала!

— Если бы я сказала тебе с самого первого шага, что последняя часть твоего пути ведёт сюда, ты бы повернул назад.

Рыцарь ушёл в Керту и вытащил меч. Не против Лабы. Не против людей. Он хотел перерубить корень, который показался ему похожим на верёвку, удерживающую пленника.

Но когда он поднял клинок, из коры начали проступать лица.

Не лица умерших людей.

Лица деревьев.

У каждого были закрыты глаза, а рты были полны земли. Радован опустил меч.

— Чего вы от меня хотите? — закричал он.

Керта зашелестела всеми кронами разом.

Сад не произнёс ни слова. Он показал ему картины.

Он увидел чужих мужчин, которые когда-то пришли и вырвали молодые деревца вместе с корнями.

Увидел господ, которые хотели сделать Керту местом лишь для собственной славы.

Увидел войска, проходившие через край.

Увидел разливы Топли.

Увидел засухи, пожары, бури и людей, которые снова и снова сажали новые деревья.

Потом он увидел пустое место под старым дубом.

Место размером с человека.

Радован понял, что сад чего-то ждёт.

Но ещё не знал чего.

Он остался в Комарове.

На несколько лет.

Починил мостик, повреждённый водой. Помогал строить дома. Учил мальчиков обращаться с лошадьми, а девочки смеялись, когда выяснилось, что Лаба умеет подражать голосу старосты лучше любого человека.

Постепенно рыцарь перестал быть похожим на путника.

Не внешне.

А тем, как он оставался в деревне.

Если нужно было перевезти больного, звали Радована.

Если кто-то боялся идти ночью по дорогам, просил его проводить.

Когда у Топли потерялся ребёнок, Лаба взлетела, а рыцарь его нашёл.

Когда пришли чужаки, желавшие силой отнять у хозяев зерно, Радован встал перед амбаром. Меча не обнажил.

— Отойди, — сказал их предводитель.

— Нет.

— Мы тебя убьём.

— Тогда вам придётся объяснить моим корням, почему вы пришли за хлебом со сталью. Мужчины рассмеялись, потому что ещё не знали, что в Комарове слово «корни» может относиться и к человеку.

В этот момент за рыцарем появились жители деревни. Мужчины, женщины, старики и молодые. Чужаки увидели, что им пришлось бы сражаться со всей деревней, и ушли.

Радован понял, что защищать — это не всегда стоять перед людьми как стена. Иногда это значит помочь им встать вместе.

Тем временем Янко вырослел и работал с отцом в мастерской. Однажды они нашли в Керте упавшую ветку. Она была длинной, прямой и крепкой.

— Из неё получится балка, — сказал Янко.

Матуш положил ладонь на дерево.

— Нет.

— Тогда что?

— Посох.

— Но она достаточно большая для балки.

— Да. Но не хочет держать крышу.

— Откуда ты знаешь?

— Слушаю.

Они сделали из неё крепкий посох и подарили Радовану. На его верхнем конце Янко вырезал маленькое крыло цапли.

— Рыцарь с посохом? — смеялись люди.

Но с того дня Радован носил посох чаще, чем меч.

— Меч напоминает мне о том, что я умел отнимать, — говорил он. — Посох — о том, что должен помогать нести.

Керта цвела красивее, чем прежде. Когда Радован проходил по саду, ветви не отступали перед ним из страха. Они склонялись к нему, словно изучали его. В некоторых местах из его следов вырастали маленькие белые цветы, которые днём были невидимы. Они загорались только в лунные ночи, и Лаба называла их следами оставания.

— Почему они появляются? — спрашивал Янко.

— Потому что некоторые люди проходят по земле и не оставляют после себя ничего, кроме пыли, — отвечала она. — А другие остаются в ней ещё прежде, чем остановятся.

Но самое великое чудо Керты открылось лишь в ночь, когда луна окрасилась в красный цвет.

Сад начал видеть сны.

Из деревьев выступили их будущие образы. Рядом с каждой яблоней стоял прозрачный образ того, чем она должна была стать через сто лет. Возле молодого деревца появился большой раскидистый ствол. Возле старого дерева светился лишь маленький саженец, которому предстояло вырасти из его семени.

Только возле старого дуба не было никакого будущего образа.

Там оставалось пустое место в форме рыцаря.

Лаба опечалилась.

Радован это увидел.

— Ты знала с самого начала.

— Не всё.

— Но ты знала, что сад хочет меня.

— Я знала, что однажды твой путь перестанут измерять шагами.

— Почему ты осталась со мной?

Лаба подошла к нему ближе по траве.

— Потому что друг сопровождает другого не только туда, куда тот сам выбрал бы дорогу.

Радован опустился на колени.

— И что произойдёт?

— Не знаю.

— Я умру?

— Может быть, ты перестанешь быть тем, кем был.

— Это не ответ.

— В великих чарах ответ часто приходит только после решения.

Рыцарь рассердился на неё. Потом на сад. Потом на самого себя. Несколько дней он не входил в Керту. Лаба с ним не разговаривала. Стояла возле дома, смотрела в сторону сада и ждала.

И тогда пришла самая страшная буря, какую помнил Комаров.

Небо потемнело посреди дня. Ветер ломал ветви, а Топля поднималась. Но это было не обычное наводнение. Вода имела чёрный оттенок и несла в себе отражения мест, через которые ей ещё только предстояло пройти. Люди видели в ней собственные дома под водой, сломанные деревья и опустевшую Керту.

Лаба взлетела над рекой.

— Это не просто вода! — кричала она. — Это Потоп будущих утрат!

Говорили, что когда-то давно в горах открылось место, где собирались все несчастья, которых люди ещё могли избежать. Но когда их становилось слишком много, они переливались в настоящий мир. Чёрная вода приносила не только грязь. Она несла образы гибели, которые могли лишить человека мужества ещё прежде, чем беда вообще случилась.

Люди в Комарове, глядя на воду, переставали сопротивляться.

— Всё будет уничтожено, — говорили они.

— Нет смысла спасать деревья.

— Уйдём отсюда.

Тот, кто слишком долго смотрел в чёрную воду, начинал верить в худшую из возможных судеб.

Радован ходил между людьми и посохом разбивал отражения на воде.

— Будущее — не приговор! — кричал он. — Это всего лишь дорога, по которой ещё никто не прошёл!

Но река продолжала подниматься.

Керта начала отделяться от земли. Корни деревьев показывались наружу, словно кто-то вытаскивал их из почвы. Если бы вода унесла сад, волшебная связь корней прервалась бы навсегда.

Старый дуб треснул.

Изнутри него раздался голос:

— Мне нужно сердце, которое сможет остаться.

Радован стоял под ним.

Теперь он понял.

Керта не хотела его смерти.

Не хотела наказания.

Ей было нужно существо, которое соединит человеческую волю остаться со способностью дерева пускать корни. Ей был нужен страж, который будет стоять не перед садом, а внутри него.

Лаба приземлилась рядом с рыцарем.

— Нет, — сказала она.

— Впервые ты мне что-то запрещаешь?

— Да.

— Почему?

— Потому что все эти годы я учила тебя не убегать. А теперь хочу, чтобы ты убежал. Радован улыбнулся.

— Это не очень мудро.

— Мудрость и любовь не всегда идут одной дорогой.

— Если я уйду, Керта исчезнет.

— Если ты останешься таким образом, я потеряю тебя.

Рыцарь отложил меч.

Он положил его на землю, и клинок тут же рассыпался ржавой пылью. Затем он взял посох с вырезанным крылом Лабы.

— Ты меня не потеряешь.

— Ты больше не будешь ходить.

— Корни уходят глубже, чем ноги.

— Ты не будешь говорить.

— Листья говорят чаще, чем люди.

— Ты не сможешь повернуться ко мне.

Радован положил руку на её крыло.

— Вода из Топли будет приходить к корням Керты. Мы всегда будем связаны.

Лаба склонила голову.

Впервые у неё не нашлось никакого мудрого ответа.

Рыцарь вошёл на пустое место под старым дубом. Чёрная вода уже проникала через стену сада. Яблони выворачивало с корнями. Розы теряли цвет, а люди убегали с детьми на более высокие места.

Радован вонзил посох в землю.

— Керта, — сказал он, — всю жизнь я думал, что служить — значит идти туда, где я нужен. Но если теперь тебе нужно, чтобы я не ушёл, я останусь.

Сад замолчал.

Даже буря на мгновение затаила дыхание.

— Не забирай мои воспоминания, — продолжил рыцарь. — Пусть я останусь тем, кого сопровождала Лаба. Пусть помню каждую дорогу, каждого человека, которому мы помогли, и каждую свою ошибку. Пусть моё дерево не будет пустым. Пусть оно несёт то, что человек может отдать земле, не переставая любить.

Из земли поднялся зелёный свет.

Сначала он окружил его сапоги.

Кожа превратилась в тёмную кору.

Потом ноги. Они не вросли в землю насильно. Они разделились на корни, которые разошлись под всей Кертой. Коснулись яблонь, груш, лип, роз и старого дуба.

Радован всё ещё стоял как человек.

Лаба бросилась к нему.

— Радован!

Грудь рыцаря начала меняться. Кольчуга превратилась в слои древесины. Каждое годичное кольцо хранило в себе часть его жизни: битву, раненую цаплю, долгие дороги, приход в Комаров, отремонтированный мостик, спасённого ребёнка, разговоры у Топли.

Руки поднялись.

Одна осталась протянутой в сторону деревни.

Другая касалась посоха, из которого выросла первая ветвь.

Его плащ превратился в крону. Волосы — в тонкие веточки, а глаза — в два тёмных узора на коре. Но лицо не исчезло полностью. При правильном свете его всё ещё можно было узнать.

Это был рыцарь.

И одновременно дерево.

Деревянный рыцарь из Комарова.

Когда превращение завершилось, корни всей Керты засияли. Они удержали деревья, которые вода уже начинала поднимать, и втянули их обратно в землю. Сад укоренился глубже, чем прежде.

Чёрный потоп ударился о корни Радована.

Образы будущих несчастий разбились.

Вода очистилась.

Топля вернулась в своё русло, а буря ушла за горы.

Комаров устоял.

Керта была спасена.

Люди собрались вокруг нового дерева. Никто не мог говорить. Янко, уже взрослый плотник, положил ладонь на ствол. Он услышал сердце рыцаря.

Оно билось не как человеческое.

Оно шелестело.

Лаба сидела на земле у корней. Она смотрела на лицо, скрытое в древесине.

— Ты сказал, что я тебя не потеряю, — прошептала она.

Из кроны упал один белый лист и опустился ей на спину.

Цапля поняла.

Но она не могла навсегда остаться в Керте. Она была дочерью воды и неба. Если бы отказалась от реки, перестала бы быть самой собой. Радован принёс себя в жертву не для того, чтобы и она отказалась от собственного пути.

Лаба взлетела.

Сначала она кружила над Кертой.

Один раз.

Второй.

Третий.

Потом направилась к Топле.

Она не улетела далеко в чужие края, хотя её крылья могли унести её за горы. Она осталась у реки как можно ближе к Комарову. Выбрала мелководье, откуда в ясную погоду могла видеть кроны Керты.

Там она приземлилась.

Когда захотела в последний раз позвать рыцаря по имени, голос сломался от горя.

Она раскрыла клюв.

Не вышло ничего.

Ни слова.

Ни птичьего крика.

С того дня Лаба перестала говорить.

Не потому, что кто-то её заколдовал.

Не потому, что Керта отняла у неё речь.

Её голос остался в последнем слове, которое она хотела послать своему спутнику, но не смогла перенести через расстояние между рекой и деревом.

Она стояла в Топле и молчала.

Каждый вечер взлетала, делала круг над Кертой и возвращалась к воде. На крыльях она несла капли реки. Когда пролетала над Деревянным рыцарем, капли падали на его листья и стекали к корням.

Так она никогда его не покинула.

Он остался в земле.

Она — у воды.

Корни Керты пили из Топли, а Топля несла тень Лабы.

Жители деревни начали приходить к дереву. Они не касались его из любопытства. Они приходили, когда им нужно было решить, уйти или остаться, сдаться или продолжать нести то, что им было доверено.

Деревянный рыцарь не отвечал никому человеческой речью.

Если человеку нужно было уйти, из его кроны отделялся лист, и ветер нёс его в сторону дороги.

Если нужно было остаться, корни под ногами тихо гудели.

Не всякое оставание было правильным и не всякий уход был бегством. Рыцарь знал это лучше кого бы то ни было. Всю жизнь он уходил, пока не пришёл на место, где его настоящим путём стало укоренение.

Янко учил своих детей работать с деревом. Показывал им балку и миску, как когда-то его отец.

— Этот кусок хочет держать крышу, — говорил он.

— А этот — хлеб или воду.

Потом он вёл их в Керту к дереву в форме рыцаря.

— А чем хотело стать это дерево? — спрашивали они.

Янко клал ладонь на ствол.

— Сначала человеком в пути. Потом защитником. А в конце — домом.

Шли годы.

Люди, знавшие Радована человеком, состарились. Новые дети знали его уже только как дерево. Некоторые сомневались, что он когда-то ходил, разговаривал и носил меч.

Но в лунные ночи на его коре появлялся металлический блеск. Крона отбрасывала на землю тень рыцаря в плаще и с посохом. Никогда — с обнажённым мечом.

А у Топли стояла белая цапля.

Разумные люди говорили, что одна цапля не может жить столетиями. Старые жители Комарова отвечали:

— Может быть, не её тело. Но верность умеет находить себе новые крылья.

Говорили, что каждая цапля, становившаяся на то же место у реки, наследовала часть памяти Лабы. Поэтому она смотрела в сторону Керты. Поэтому была тихой. Поэтому вечером делала круг над садом.

Однажды пришла ещё одна великая засуха. Топля обмелела, а Керта начала увядать. Жители сначала заботились о собственных колодцах и полях, потому что боялись за урожай. Но маленькая девочка по имени Мариенка пришла к Деревянному рыцарю и приложила ладонь к его стволу.

Он был горячим.

— Ты спас нас, — сказала она. — Теперь мы должны спасти тебя.

Она позвала остальных детей. Те позвали родителей. Люди выстроились цепочкой от Топли до Керты и передавали друг другу сосуды с водой. Не понадобилось никакого великого чуда. Только много рук и решение, что нельзя вечно принимать служение, не возвращая его когда-нибудь.

Когда вода впиталась в корни рыцаря, его крона зашелестела.

Цапля у Топли подняла крылья.

Из её горла вышел один-единственный звук.

Очень тихий.

Это не было возвращением речи.

Это было приветствие.

Листья Деревянного рыцаря задрожали, хотя ветра не было.

Потом цапля снова замолчала.

Люди плакали, потому что поняли: эти двое всё ещё слышат друг друга.

Не ушами.

Через воду, корни, ветер и память края.

И говорят, что Деревянный рыцарь стоит в Керте и по сей день.

Тот, кто не знает, чего ищет, увидит лишь старое дерево.

Тот, кто приходит за чудом, возможно, не заметит ничего необычного.

Но человек, который долго странствовал и не знает, принадлежит ли он какому-то месту, может различить в стволе лицо рыцаря. Одна его рука словно протянута над садом, другая держит деревянный посох с вырезанным крылом.

А у Топли в это время можно увидеть белую цаплю.

Она неподвижно стоит в воде.

Смотрит в сторону Керты.

Она не говорит, потому что горе от превращения её спутника когда-то лишило её голоса. Но она никогда не улетала от него далеко. Она выбрала реку у Комарова, чтобы вода с её ног и крыльев могла течь к его корням.

Когда темнеет, она поднимается над Топлей.

Пролетает над Комаровом.

Делает круг над Кертой.

И на мгновение садится на ветвь Деревянного рыцаря.

Тогда, согласно старой легенде, дерево в лунном свете снова превращается в мужчину.

Всего на один удар сердца.

Рыцарь открывает глаза, а цапля склоняет к нему голову.

Им не нужно говорить.

Всё, что нужно было сказать, они давно уже отдали этой земле.

Потом он снова становится деревом.

А Лаба возвращается к Топле.

Так они остаются вместе: не так, как когда-то представляли, а так, как позволили им служение, любовь и земля.

Так закончилась сказка о Деревянном рыцаре из Комарова, о Радоване, пришедшем из неизвестных земель, о его верной цапле Лабе, о Янко и плотницком искусстве слушать, чем хочет стать дерево, и о господском саде Керте, который выбрал своим вечным стражем не статую, а живого человека, готового отдать ему свой дальнейший путь.

А поучение этой сказки дети Комарова ещё долго повторяли:

— Не каждый, кто остаётся, находится в плену, и не каждый, кто уходит, свободен. Человек находит своё истинное место тогда, когда понимает, кому может своей жизнью дать тень. А верному другу не обязательно стоять у того же корня — достаточно никогда не позволить воде памяти перестать течь между ними.

Волшебный дуб из Грабовца

Давным-давно, когда в долине Топли ещё раздавался стук мельничных колёс, пение пил и жужжание пчёл на пасеках, среди бескидских гор лежал Грабовец.

Это было небольшое селение, но в нём была хорошая вода, трудолюбивые люди и леса, дававшие древесину для домов, повозок, орудий труда и огня. У ручья стояла мельница, неподалёку — лесопилка, а чуть дальше — небольшая бумажная мастерская, где из старого полотна, чистой воды и мелко измельчённых древесных волокон изготавливали бумагу.

Бумага из Грабовца была известна не только тем, что была прочной и гладкой.

Люди говорили, что лист, изготовленный с использованием грабовецкой воды, запоминает первое слово, которое человек на нём напишет.

Если кто-то писал на нём молитву, бумага пахла воском и ладаном.

Если писал письмо любимому человеку, лист оставался тёплым даже зимой.

Если на нём записывали ложь, его края начинали загибаться, словно бумаге было стыдно нести неправду.

Не все в это верили. Но бумажник Юрай утверждал, что бумага — это не просто место для чернил.

— Бумага — это второе молчание человека, — говорил он. — Она хранит то, что уста не выдерживают произнести вслух.

Юрай работал в бумажной мастерской вместе со своей женой Анной и девятилетней дочерью Зузанкой. У Зузанки были тёмные косы, любопытные глаза, а пальцы часто были испачканы синими, чёрными или коричневыми чернилами. Она умела подготавливать тряпьё для замачивания, размешивать бумажную массу и осторожно снимать свежие листы с сита.

Больше всего она любила тот момент, когда бумага ещё не была совсем сухой.

Тогда ей казалось, что она слышит в ней шёпот воды.

Не слова.

Скорее множество тихих голосов, которые ещё только ждут того, кто однажды их произнесёт.

— Папа, — спросила она однажды, — куда уходят слова, которые никто не записывает?

Юрай отложил деревянную форму.

— Они остаются в человеке.

— А когда человек умирает?

Бумажник задумался.

— Может быть, он забирает их с собой.

— На небо?

— Может быть.

— А что с ними делает на небе Господь Иисус?

Юрай улыбнулся.

— Об этом однажды спросишь Его Самого.

Он и не подозревал, что Зузанка получит такую возможность гораздо раньше, чем кто-либо мог себе представить.

Над Грабовцем, на пологом возвышении между деревней и лесом, рос старый дуб. Он был могучим, широким и таким древним, что никто не знал человека, который помнил бы его молодым деревом. Его ствол был изрезан глубокими бороздами, корни выступали из земли, словно каменные дороги, а крона раскинулась высоко над лугом.

В жаркие дни под дубом укрывались пастухи.

Путники складывали возле него свою ношу.

Дети собирали жёлуди.

Пчеловоды утверждали, что мёд от пчёл, посещавших его цветы, имел необычайно мягкий вкус и приносил спокойный сон.

Но старые люди знали и более таинственное предание.

Они утверждали, что корни дуба уходят не только в землю.

Один из его корней, как говорили, тянется до самой Топли.

Второй — под бумажную мельницу.

Третий — глубоко под Грабовец.

А четвёртый не уходит ни в какую землю.

Он растёт вверх, через невидимый мир, до самого неба.

Поэтому в старый дуб никогда не ударяла молния.

Поэтому бури не могли вырвать его с корнем.

И поэтому возле него иногда раздавались звуки, не принадлежавшие земле.

Иногда это был детский смех.

Иногда далёкое пение.

А порой, когда кто-нибудь у ствола искренне молился за умершего, он слышал по ту сторону коры тихий голос:

— Я в покое.

Люди нечасто об этом говорили. Они боялись, чтобы святая тайна не превратилась в зрелище для любопытных.

Дуб не был местом, куда приходили просить богатства, здоровья или счастья.

Он был границей.

Вратами.

Местом, где небо касалось Грабовца, не открываясь целиком.

Одна старая женщина рассказывала, что когда-то давно к дубу пришёл человек, у которого умер ребёнок. Всю ночь он сидел возле ствола, плакал и просил у Бога лишь одного знамения. Перед рассветом в коре открылась узкая светящаяся щель. Мужчина увидел в ней луг, по которому его ребёнок бежал к Господу Иисусу. Когда щель закрылась, мужчина больше не просил, чтобы ребёнок вернулся. Он просил лишь о силе однажды прийти к нему.

С тех пор дуб называли Небесными вратами.

Но никто не знал, когда они откроются.

Нельзя было заставить их открыться ни молитвой, ни деньгами, ни чарами.

Они открывались лишь тогда, когда небо хотело ответить.

Зузанка часто приходила к дубу. Она не пыталась его открыть. Сиделась между корнями, клала на колени чистый лист бумаги и рисовала.

Однажды она нарисовала Грабовец.

Дома, мельницу, лесопилку, бумажную мастерскую, Топлю вдаль и дуб на возвышении.

Закончив рисунок, она оставила пустое место на небе над дубом.

— Почему ты там ничего не нарисовала? — спросила её мама Анна.

— Потому что я не знаю, как выглядит небо.

— Нарисуй облака.

— Это не небо. Это всего лишь облака.

— Тогда ангелов.

— И они — не всё небо.

— Тогда Господа Иисуса.

Зузанка задумалась.

— Я не хочу рисовать Его так, будто точно знаю, как Он выглядит.

Анна погладила её по волосам.

— Тогда оставь там свет.

Девочка взяла жёлтые чернила и нарисовала над дубом большой золотой круг.

Когда бумага коснулась корня, круг на мгновение засиял.

Зузанка это увидела.

Мама — нет.

Но девочка не испугалась. Она приложила ладонь к коре.

— Господь Иисус, — прошептала она, — если этот дуб и правда врата, Тебе не нужно их открывать. Я просто хотела с Тобой поздороваться.

Изнутри дерева раздался тихий стук.

Три раза.

Зузанка улыбнулась.

С того дня она носила под дуб чистые листы бумаги. Некоторые оставляла пустыми, а на других писала имена людей, за которых хотела помолиться.

Имя больного соседа.

Имя одинокого старика.

Имя ребёнка, который боялся темноты.

Имя женщины, чей муж ушёл в дальние края.

Бумагу она вкладывала в небольшую щель между корнями. На следующий день она всегда исчезала.

— Куда она девается? — спрашивала Зузанка.

Отец считал, что её уносит ветер или какое-нибудь животное. Но Зузанка верила, что листы проходят по корню на небо.

Однажды пришла суровая зима.

Снег укрыл Грабовец, мельница замёрзла, а бумажная мастерская работала медленнее. Люди сэкономили и дрова, и еду. В это время заболела мама Зузанки, Анна.

Сначала она лишь кашляла.

Потом у неё началась лихорадка.

Позже она уже не могла подняться с постели.

Юрай позвал травницу, священника и лекаря из Бардейова. Они делали всё, что могли.

Но Анна слабела.

Каждый день Зузанка носила под дуб новый лист.

На первом она написала:

«Пожалуйста, исцели мою маму».

На втором:

«Пожалуйста, не дай ей уйти».

На третьем:

«Лучше заberi моё здоровье».

Все листы исчезли.

Но дуб оставался закрытым.

— Почему ты не отвечаешь? — однажды закричала Зузанка и стала бить маленькими кулачками по коре. — Если ты врата на небо, почему не открываешься?

Дерево молчало.

Девочка расплакалась.

— Я не хочу, чтобы она уходила на небо. Я хочу, чтобы она осталась дома.

В этот момент рядом с ней появился старый бумажник Шимон. Когда-то он работал с её дедом, а теперь уже носил белую бороду и ходил с палкой.

— Дуб — не дверь, через которую человек выбирает, кому уйти, а кому вернуться, — сказал он.

Зузанка сердито посмотрела на него.

— Тогда зачем он нужен?

— Чтобы ты знала, что ни один уход не заканчивается во тьме.

— Мне этого недостаточно.

— Я знаю.

— Это не вернёт мне маму.

— Нет.

Шимон сел на корень.

— Когда умерла моя жена, я просидел здесь три дня. Ждал, что дуб откроется. Он не открылся. Лишь позже я понял, что не хотел увидеть небо. Я хотел заставить небо подчиниться мне.

— А это плохо?

— Это по-человечески. Но небо — не мастерская, где можно заказать чудо.

Зузанка опустила глаза.

— Значит, мне больше не нужно молиться?

— Наоборот. Молись так искренне, как только можешь. И с гневом, и со страхом, и со слезами. Господь Иисус не испугается детской печали.

В ту ночь Анна умерла.

Тихо.

Положив руку на волосы Зузанки.

Последние слова она сказала только ей:

— Не бойся. Любовь не останется за дверью.

После похорон Зузанка перестала ходить к дубу.

Перестала рисовать.

Перестала слушать бумагу.

В мастерской она работала молча. Снимала листы с сита, складывала их, сушила, но её больше не интересовало, что они в себе несут.

Однажды среди готовой бумаги она нашла лист, которого никто не делал.

Он был тоньше остальных и таким белым, что казался сотканным из света. Посреди него был изображён старый дуб.

В его стволе были открытые двери.

А перед ними стояла Зузанка.

Девочка разорвала лист.

Но кусочки не упали на землю. Они превратились в белых бабочек и вылетели через окно в сторону возвышенности.

Юрай это видел.

— Что это было?

— Я не хочу туда идти.

— Может быть, дуб зовёт тебя.

— Когда он был мне нужен, он молчал.

Отец обнял её.

— Может быть, теперь тебе нужно услышать ответ, который тогда ты не могла принять.

Зузанка отказалась.

Но той ночью во всём Грабовце начали происходить странные вещи.

Чистые листы бумаги поднимались со столов и поворачивались в сторону дуба.

Книги сами открывались на чистых страницах.

На бумажной мельнице колесо закрутилось против течения.

Из ульев вылетели пчёлы, хотя была ночь, и образовали над деревней золотую дорогу, ведущую к возвышенности.

Люди вышли из домов.

— Что происходит?

— Почему пчёлы летают ночью?

— Почему бумага движется без ветра?

Старый Шимон посмотрел на Зузанку.

— Врата открываются.

Девочка почувствовала страх.

— Для кого?

— Для тебя.

Вся деревня хотела отправиться к дубу, но когда люди подошли к краю возвышенности, между ними и деревом выросла стена из белой бумаги. Она не была твёрдой, но пройти сквозь неё было невозможно.

На каждом листе была написана одна фраза:

За этой встречей нельзя наблюдать.

Любовь — не представление.

Врата открываются лишь сердцу, которое было призвано.

Юрай взял дочь за руку.

— Иди.

— А ты?

— Я буду ждать здесь.

— А если я не вернусь?

Отец вздрогнул, но ответил:

— Если тебя зовёт Господь Иисус, ты не потеряешься. Но я верю, что ты вернёшься.

Зузанка прошла сквозь бумажную стену.

Листы касались её волос, словно нежные руки.

Когда она подошла к дубу, его ствол сиял. Борозды в коре наполнились золотым светом. Крона не поднималась к небу, а словно исчезала в нём. Листья превращались в маленькие звёзды, а корни под её ногами стали прозрачными.

Дуб заговорил.

Не голосом старика и не голосом древесного существа.

Его голос состоял из всех листов бумаги, когда-либо созданных в Грабовце. Они шелестели, шептались, молились и пели одновременно.

— Зузанка.

— Почему ты не ответил, когда мама умирала?

— Ответ пришёл. Но ты просила о другом.

— Я хотела, чтобы она жила.

— И она живёт.

Девочка рассердилась.

— Не дома.

— Не в доме из дерева и камня.

— Тогда покажи мне её!

Дуб задрожал.

На стволе появилась тонкая золотая линия. Она медленно расширилась и превратилась в дверь. Дверь была не из дерева. Она состояла из света, но у этого света была глубина, словно за ним существовал целый мир.

Зузанка услышала пение.

Не такое, какое она знала из церкви.

Это было пение без печали, без усталости и без страха перед тем, что оно когда-нибудь закончится.

Дверь открылась.

За ней не было неба с облаками.

Там была страна.

Луга, более яркие, чем весенняя трава.

Вода, чистая как стекло, но живая.

Деревья, наполненные светом.

Дома, построенные не из камня, а из покоя.

И люди.

Много людей.

Некоторых Зузанка не знала. Других помнила с похорон. Старого мельника, умершего два года назад. Ребёнка из соседней деревни. Женщину, которая когда-то пекла хлеб.

Все они были живы.

Не как тени.

Не как воспоминания.

По-настоящему.

Посреди луга стоял Господь Иисус Христос.

Зузанка не могла сказать, как Он выглядел. Позже, когда люди спрашивали её, она говорила, что Его лицо было одновременно молодым и старым, знакомым и незнакомым, нежным и могущественным. Его глаза были похожи на место, где человеку больше не нужно ничего скрывать.

Рядом с Ним стояла Анна.

Мама Зузанки.

Здоровая.

Улыбающаяся.

Без жара.

Без боли.
— Мама!
Зузанка шагнула к вратам.
Но дубовые двери задрожали.
Господь Иисус поднял руку.
— Ещё не время, Зузанка.
Девочка остановилась на пороге.
— Я хочу к маме.
Анна подошла ближе, но осталась на небесной стороне.
— А я хотела бы тебя обнять.
— Тогда вернись домой.
Мама улыбнулась сквозь слёзы, но это были не слёзы боли.
— Я уже дома.
Зузанка расплакалась.
— Без нас?
Господь Иисус наклонился к ней.
— Не без вас. Всякая настоящая любовь здесь остаётся связанной. Просто ваши глаза ещё не видят всего моста.
— Почему Ты её не исцелил?
Иисус ответил:
— Я исцелил её полностью. Ты просила об исцелении для земной жизни. Я дал ей жизнь, которую болезнь уже никогда не сможет отнять.
— Но она была мне нужна.
— А ей всё ещё нужно, чтобы ты жила своей жизнью. Не чтобы стояла у врат.
Анна положила ладонь на свет между ними. Зузанка сделала то же самое с другой стороны.
Она не почувствовала маминой кожи.
Но почувствовала её любовь так сильно, что задрожало всё её тело.
— Ты слышишь меня, когда я молюсь? — спросила она.
— Не каждое твоё слово так, как его слышат человеческие уши, — сказала Анна. — Но Бог не позволит пропасть ни одной любви.
— А мои письма?
Мама оглянулась.
За ней стояло дерево, покрытое белыми листьями бумаги. На каждом было имя, которое Зузанка когда-то вкладывала между корнями дуба.
— Все они пришли.
— Правда?
— Молитва — не письмо, которое Бог может потерять.
Господь Иисус взял с небесного дерева один чистый лист.
Он протянул его Зузанке через врата.
— Этот для тебя.
Девочка взяла его.
— Что мне написать?
— Не просьбу о том, чтобы прошлое вернулось. Напиши, что ты создашь на земле из любви.
— Я не знаю.
— Поэтому лист и пуст.
Затем Господь Иисус положил руку на небесную сторону дубовых врат.

— Это дерево не будет открыто вечно. Земля и небо соприкасаются каждый день, но человеку не дано постоянно видеть за завесой. Вера превратилась бы в обычное зрение.

— Я ещё когда-нибудь увижу маму?

— Да.

— Когда?

— Когда завершишь свою земную историю.

Анна улыбнулась.

— И не спеши. Я уже никуда не уйду.

Врата начали закрываться.

— Мама!

— Живи, Зузанка!

— Я тебя люблю!

— Любовь остаётся!

Двери закрылись.

Золотая линия исчезла.

Дуб снова стал обычным деревом.

Зузанка осталась стоять возле ствола с чистым листом в руках.

Когда она вернулась к жителям деревни, никто сразу не спросил её, что она увидела. На её лице было что-то такое, что заставило всех молчать.

Отец обнял её.

— Ты видела её?

Зузанка кивнула.

— Она дома.

Юрай заплакал.

Не потому, что перестал чувствовать печаль. Печаль не исчезает лишь оттого, что человек знает о небе. Любовь всё равно чувствует пустое место за столом, тишину в комнате и отсутствие знакомого голоса.

Но теперь у его печали не было бездны.

У неё появилось направление.

На следующий день Зузанка положила чистый небесный лист на стол в бумажной мастерской.

Долго ничего на нём не писала.

Потом взяла перо.

Она написала:

«В Грабовце мы будем изготавливать бумагу для слов, которые помогают людям не забывать любовь».

Под этой фразой она добавила:

«И мы никому не будем обещать, что бумага откроет небо. Небо открывает Бог, когда знает, что человеку нужно увидеть, чтобы суметь продолжать верить».

С того дня бумажная мельница изменилась.

Она изготавливала уже не только бумагу для счетов, документов и торговли.

Там начали делать и листы утешения.

В бумажную массу добавляли немного мёда с грабовецких пасек, каплю воды из Топли и тонкое волокно с ветвей, которые сами падали со старого дуба. Дерево никогда не рубили и не срезали с него ни одной живой ветви.

На листах утешения люди писали имена умерших, воспоминания, молитвы и слова, которые не успели произнести.

Потом лист не бросали в огонь и не вкладывали в щель дуба.

Его приносили под крону, читали вслух, а затем уносили домой.

Зузанка объясняла:

— Дуб — не почтовый ящик для писем на небо. Господу Иисусу не нужна бумага, чтобы знать наши сердца. Бумага нужна нам, чтобы боль обрела слова и не превращалась в молчание.

Иногда после молитвы на листе появлялась маленькая золотая точка.

Люди считали её знаком.

Но Зузанка всегда говорила:

— Не хвалитесь знамением. Важно то, что изменилось в вашем сердце.

С тех пор Волшебный дуб открывался очень редко.

Может быть, один раз за целое поколение.

Никогда из-за любопытства.

Никогда для богатых господ, желавших увидеть небо как особую привилегию.

Никогда для тех, кто пытался обойти его тайными колдовскими знаками.

Однажды к нему пришёл учёный человек с книгами о тайных силах. Всю ночь он рисовал вокруг ствола круги, жёг травы и произносил чужие слова. Утром он обнаружил, что во всех его книгах написана одна и та же фраза:

ВРАТА ЛЮБВИ НЕ ОТКРЫВАЮТСЯ СИЛОЙ.

Мужчина ушёл пристыженным.

В другой раз пришла богатая женщина и пообещала деревне целый мешок золота, если ей позволят отрезать кусок коры дуба.

— Может быть, я сделаю из него дверь в собственную часовню.

В тот же миг все монеты в её кошеле стали серыми. Когда она коснулась их, оказалось, что это обычные сухие жёлуди.

Золото вернулось к ней только тогда, когда она перестала пытаться завладеть святым местом.

Но дуб открылся маленькому мальчику, у которого умер отец. Не для того, чтобы вернуть отца назад. Мальчик увидел лишь руку, лежащую в ладони Христа, и услышал фразу:

— Скажи маме, что мы в безопасности.

Он открылся и старой женщине, которая боялась смерти. За дверью она увидела лишь накрытый стол и свет в окне. Когда врата закрылись, она сказала:

— Я больше не боюсь. Меня кто-то ждёт.

Но однажды произошло нечто, удивившее даже Зузанку.

К дубу пришёл человек, который никого не потерял. Он был здоров, богат и имел семью. Он лишь хотел узнать, действительно ли существует небо.

— Если увижу его, поверю, — сказал он.

Он просидел под дубом три дня.

Ничего не произошло.

Наконец он в гневе закричал:

— Почему ты мне не открываешься?

На коре появились слова:

НЕБО — НЕ НАГРАДА ЗА ТВОЁ ЛЮБОПЫТСТВО.

Мужчина ушёл.

По дороге он встретил бедную женщину, у которой порвался мешок с мукой. Впервые за долгое время он перестал думать о себе. Опустился на колени, помог ей собрать муку и отнёс мешок домой.

Когда вечером он возвращался мимо возвышенности, дуб не открылся.

Он лишь зашелестел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.